

*К девяностолетию
поэта Игоря Григорьева*

Д. В. Григорьева

«ЭТО ЗДЕСЬ-ТО БОГА НЕТ?»

О православной сущности
поэзии Игоря Григорьева

Игорь Григорьев

«Я ИДУ...»

Избранные
стихотворения

УДК 82-14
ББК 3.3(2Рос=Рус)6
Г83

Григорьева, Д. В. «Это здесь-то Бога нет?»: О православной сущности поэзии Игоря Григорьева; **Григорьев, И. Н.** «Я иду...»: избранные стихотворения. – СПб., 2014. – 196 с.

ISBN 987-5-906555-78-6

В книгу вошли размышления филолога-русиста Д. В. Григорьевой о православной природе творчества замечательного русского поэта XX века Игоря Николаевича Григорьева (17.08.1923–16.01.96), а также ряд его избранных стихотворений.

УДК 82-14
ББК 3.3(2Рос=Рус)6

*Фотография на обложке
Валерия Шибанова*

© Д. В. Григорьева, 2014
© В. В. Шибанов, фото, 2014

Д. В. Григорьева
«ЭТО ЗДЕСЬ-ТО БОГА НЕТ?»

Тысячелетняя Россия!
Легко ли наново расти?
С. И. Поликарпов

Первая любовь

Первая любовь не всем дана.
Первая любовь всегда до дна,
Первая любовь полным-полна,
Первая любовь, как жизнь: одна!
Первая любовь, как свет: светла!
Первая любовь, как честь: честна!
Первая любовь, как смерть: сильна!
Первая любовь, как истина: одна!

В ней жизни семя,
В ней мудрости бремя,
В ней сила простоты
И постоянство чистоты,
В ней искренность веры
И верности примеры,
В ней нежности разливы,
Высоких чувств порывы.

В ней – Божьи заделы –
Малой церкви приделы!
В ней радуга прозренья
И благодать смиренья:

Семейная чаша –
Бессмертие наше!
– Как быть, чтоб ее сохранить?
– Лю-бить!

Первая любовь всегда первая!

«Кто имеет уши слышать,
да слышит»¹

Все на Земле дышит благодатью Божией и пронизано светом Его великой любви к человеку. Тысячелетия не убавили этой любви – сам человек разучился ее ощущать и получать, надеясь на себя и уверенный в собственном могуществе. Только он напрасно теряет свои силы и не хочет признать своего бессилия, уходя в тупики умопомрачения, где потеряна Божья Правда, а значит, и Божья благодать!

«Смирись, гордый человек!» – этот призыв от Пушкина и Достоевского, пройдя через бесчисленные вариации, пронизывает всю мировую классику. Но современный человек все больше отходит не только от Бога, но и от общения с искусством, с произведениями русской и мировой прозы и поэзии. Он разучился видеть и слышать, в евангельском понимании этих слов: *«...и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услы-*

¹ «Имеяй оушы слышати да слышитъ» (Лк 14:35).

шите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите...» (Мф 13:14).

Видеть и слышать – этому надо научиться! Научиться, чтобы исполнить главный завет Бога человеку: преобразиться – увидеть и услышать мир иным, божественно прекрасным, чтобы включиться в созидание, собирание и сохранение того, что человек должен сохранять, а не терять: не терять Бога и его любви, благодаря которой мир еще существует.

Поэзия Игоря Григорьева – это шаг на пути возможного нашего преобразования. Да, так случилось, что деревенский паренек, партизан-разведчик, потом просто студент обрел в жизни главное, без чего жизнь пуста и не радуется. В самое безбожное время XX века он обрел веру в Бога. Он, нередко эгоист, – да, любящий сын, отец, дед, а в душе бродяга-охотник, озорник и балагур, этакий шолоховский Антипка-брех, как любил его называть учитель и друг, писатель Федор Абрамов... Он – альтруист при вечном безденежье: если копейка и заводилась в его кармане, она мгновенно переходила в карман тех, кому она, по его мнению, была нужнее. И при этом в его обойме всегда имелся на крайний случай запасной, последний патрон...

И неудивительно, что перед смертью он, совсем как великий поэтический земляк его – Александр Пушкин, исповедался и причастился, а по кончине был отпет

в церкви тоже Спаса Нерукотворного и похоронен по-православному.

А потом его единственный сын Григорий построил храм Рождества Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, был рукоположен во иерея, стал настоятелем этого храма. И сейчас все внуки и правнуки – его прихожане.

И иначе как милостью Божией это не назовешь.

Поэзия Игоря Григорьева – не бесплодная смоковница. На ниве его поэзии выросли семена Божией нивы, которые дают нам плод сторицей.

1. Жизнь коротка, да ум тысячелетен

Живём столетьем,
Не одним мгновеньем!
С. И. Марков

К 90-летию поэта Игоря Григорьева появилось много новых публикаций о его стихах, в том числе и в Интернете. Творческий багаж поэта – 24 книги, выпущенные на протяжении 40 лет. О его стихах писали филологи, журналисты, поэты, которые, как правило, отмечают, что перед нами поэт России, русской деревни, природы, Великой Отечественной войны, Псковщины – родины поэта. Его сравнивают с Есениным, Рубцовым, и это лестно. Но поэт в этих откликах прикован критиками ко внешней стороне жизни – жизни по земной горизонтали. Наши критики не замечают, не видят и не слышат тех глубинных ключей, которыми бурлит и дышит его поэзия, особенно последнего десятилетия. Они по привычке не готовы убрать с глаз языческую завесу, которая и в эпоху 1000-летия христианства на Руси продолжает искажать видение мира.

Они не разглядели, как поэт вырастает и преображается, поднимается над земными событиями и мирскими заботами, как в нем разгорается искра Божия, как он находит себя – то есть образ Божий в себе. В его стихах расширяются пространство и время, кристаллизуется философия космической и исторической бесконечности, красоты и гармонии, что непреложно должно отразиться в душе каждого человека.

И Господь открывает поэту пространства, в которых рождалась поэзия Пушкина, Блока, Есенина, Тютчева, Фета... Позволю себе процитировать три стихотворения трех поэтов, связанные единой звездной темой.

Я долго стоял неподвижно,
В высокие звёзды вглядясь.
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал... Не помню, что думал:
Я слушал таинственный хор...
И звёзды тихонько дрожали,
И звёзды люблю я с тех пор.

* * *

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины.
И мы плывём, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

* * *

Шел август, и звёзды свое отмолчали,
Вы знали б, как звёзды поют!
И синяя синь, и сластинка печали,
И ночь как вселенский приют!

Костёр наш горит себе смирно и ровно:
Он дышит и тоже поет!
И кто-то над нами легко и безгромно
Всё новые звёзды кует...

Конечно, за этими стихами мы без особого труда узнаем их авторов. Каждое из этих стихотворений несет на себе печать тонкой поэтической индивидуальности: сдержанный, мужественный Фет, смиряющий себя Тютчев и как бы заново открывающий звездный мир – хотя и не Аполлон – но Григорьев. И в то же время в сочетании приведенных строк улавливается развитие единой мысли. Тайны звездного космоса скрыты от человека. Фет это понимает, но чувствует себя причастным к звездному небу, пробудившему в нем не страх, не смятение, не сознание своего бессилия в этой звездной бесконечности, а восхищение звездной гармонией, любовь к звездной стихии. Да, человек – дитя звездного мира. Жизнь его души подчинена тем же законам, что и жизнь космического пространства. Тютчев смиряется с этим, с пылающей бездной, которой мы окружены. Ведь эта «пылающая бездна» не-

редко сжигала самое для него дорогое, хотя и запретное (Денисьева, их дети...), и приучала к смирению, которым проникнута поэзия Тютчева.

Третье стихотворение написано через сто лет после первых двух, в конце XX века. Это и много и мало – настолько мало, насколько мало что изменилось в нашем общении со звездами и Вселенной. Мы тоже слышим пение звезд. Мы тоже храним и любовь, и согласие со Вселенной, познаем ту Божественную благодать, которая разлита в августовской ночи и которой светится каждое слово в стихотворении Григорьева. Только любя и смиряясь, мы начинаем ощущать дыхание Господа! Мы слышим, как дышит и поет костер, чувствуем, как ночь становится вселенским приютом, а небо – мастерской Творца:

И кто-то над нами легко и безгромно
Всё новые звёзды кует...

Мы видим, как через столетие строки Григорьева родственно перекликаются со стихотворениями Фета и Тютчева. Это – общность корней, общность позиции, мировоззренческая правда, роднящая трех, казалось бы, несравнимых – но истинных – поэтов. А истина, как известно, одна.

И далее в стихотворении Игоря Григорьева вслед за расширившимся космическим пространством раздвигается и историческое время:

И тут мы увидели дивное диво:
На взгорке, в гнезде валуна,
Как длинная искорка, плача счастливо,
Родилась малютка-луна.

Звончайшим молчаньем потёмки нагрузли,
И, нежно стенья, издали
На омут, как будто на черные гусли,
Искристые струны легли.

И зов! Уж не сам ли Садко подплывает?
Кому ещё так-то сыграть?
И если на свете чудес не бывает,
Так как же такое назвать?

Божий мир прекрасен, целесообразен, полон чудес! Если мы это видим, слышим, понимаем, этот мир отражается в нас – и творит нас. Восхождение по вертикали – это не надмирная отстраненность от земного. Это необходимо, чтобы познать Бога и обрести себя как Божие творение. Так в стихах Игоря Григорьева появляется **духовная вертикаль**, дающая смысл земным событиям, делающая их чудесными благодаря особой Божией энергии – Божией благодати. Радость общения с Божьим миром, любовь к нему, приятие его таким, каков он есть, рождают веру в Божий промысл, его необходимость и целесообразность. Эта вера рождается на кресте – на пересечении небесной

вертикали с земной горизонталью. Через распятие на этом кресте проходит каждый из нас. Это наш крест. И в нем символически присутствует Крест, на котором был распят Христос.

Но что радует: на этом кресте смерть оборачивается жизнью, а любое страдание несет благо – благодать, которая нисходит, если мы выполняем правила жизни – заповеди, данные нам Христом.

В свете сказанного еще раз поднимем взгляд и внимательно рассмотрим в звездное небо вместе с поэтом Игорем Григорьевым.

Под звёздами

Да сколько их в морозной роздыми!
И как же скоро зацвели!
Запыхали врозь и гроздьями
Над головой и у земли.

...Они поют, и сказки сказывают,
И, не спрося, в полон берут.
Зовут, зовут и путь указывают.
И зачинаются, и мрут.

Вдруг замелькает странно – новая,
Вот, вещая, оборвалась...
Притихла гладь семиверстовая,
Дивясь на ивовую вязь.

А лут повит снежком, как росами,
А темь по-летнему густа.
И, может, в этой щедрой россыпи
Зажжётся и твоя звезда!

Глядя в зимнее звездное небо, поэт восхищается красотой Божьего мира, познает его фантастическую целесообразность, ему открывается сказочное чудо Божественного замысла о мире. Он становится пленником любви к Богу, слышит Его зов, обращенный конкретно к нему: звезды ему «путь указывают». Падающая звезда пробуждает надежду на исполнение сокровенного желания. Поэт обретает веру в себя, надеется на исполнение Божьего промысла о нем.

Тут уместно вспомнить стихотворение Пушкина «Возрождение»:

Художник-варвар¹ кистью сонной
Картину гения² чернит.
И свой рисунок беззаконный³
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;

¹ т. е. каждый из нас.

² образ, заложенный в нас Богом.

³ греховный.

Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

Восстановление Божьего образа в человеке – в себе, в нас – в этом смысл нашей жизни. И это, пожалуй, первое и главное семя, которое посеяно Григорьевым и уже прорастает в нас. Переключка с Пушкиным – лишнее подтверждение того, что наш поэт на верном пути.

Научиться видеть и слышать можно лишь на пути духовного прозрения.

Снова обратимся к Пушкину. На это раз вспомним его Евгения Онегина, в восьмой главе романа страдающего от любви к Татьяне. В нем пробудился искатель истины, ему захотелось перечитать те книги, которые он так небрежно, со скукой пытался одолеть в молодости. Как он изменился! А в этом как раз и заключается смысл романа. Поэт с радостным одобрением отмечает, что теперь Онегин «меж печатными строками Читал духовными глазами Другие строки...». Пушкин понимал, что такое духовное чтение!

Любовь к Божьему творению, приятие всего без осуждения, со смирением, соприкосновение с благодатью Божией

рождает в нас веру (доверие и верность) и открывает духовную вертикаль, духовное зрение.

Мы начинаем иначе воспринимать мир, порою диаметрально противоположно привычному мирскому видению; начинаем видеть и слышать по-евангельски; мы начинаем благодарить Бога за боль, обиду, страдание; перестаем осуждать, терпим, смиряемся – обретаем новые источники радости.

На этом пути человек с помощью Божией обязательно найдет себя, и этот путь всегда неповторим и чудесен. И в каждом из нас жив опыт поколений наших дедов и прадедов: наш ум тысячелетен.

«Через тернии – к звездам!» – говорили древние, имея в виду путь духовного восхождения человека к Богу, который преподобный Серафим Саровский обозначил как «стяжание Духа Святаго».

2. Православие – исток русской души

Христианство есть пища и питье. И чем больше кто вкусит его, тем более возбуждается сладостью ум, делаясь неудержимым и ненасытным, более и более требующим и вкушающим...

Прп. Марк Подвижник

Смирение и благодать в буквальном смысле разлиты в стихах И. Григорьева последнего десятилетия. Смирение – как точка опоры в православном миропонимании и благодать – как цель и средство православного пути.

Обратим внимание на несколько афористических строф разных стихотворений Григорьева из сборника 1995 года.

Полночь без луны,
Путь мой без дороги.
И ничьей вины,
Никакой тревоги...

* * *

Ничего душе не надо,
Кроме родины и неба!

* * *

И день – разливанное диво.

* * *

Думки прихорашиваются
В благодать.

* * *

Хорошо с умытым полем
На заре перекликаться –
Песней росной сердцем полным
От унынья отречься.

* * *

И хоть гроза – душа моя поет:
Мне, грешному бродяге, не до грусти.

И свята заурядная вода:
Самой небесной влагой совесть мою!
Иду и всё! Не всё ль равно, куда:
Везде – земля и небо надо мною.

* * *

Покойны жёлтые озера,
Спокойны синие пески:
Они как старость без укора,
Они как юность без тоски.

* * *

Душа добру открыла двери.

* * *

Ни обиды на сердце, ни боли,
Тихий свет – от земли до небес...

Удивительно, что источником этих цитат стала «Боль» – именно так назван поэтом его последний, по сути дела, сборник стихов. «...Иго Мое благо, и бремя Мое легко» – сказано Господом в Евангелии (Мф 11:30).

Благодать – это всегда радость, освежающее дыхание Божие, которое даруется верующим, и прежде всего в Таинстве причастия. Когда душа охвачена благодатью Божией и в ней звучит «аллилуйя» Спасителю, в нас обновляется образ Божий – Божья печать в человеке, данная ему изначально. Господь врачует нашу душу: из нее исчезают обида, боль, осуждение, тревога, зависть, безверие, уныние, гордыня, корысть, если мы отречаемся от них и просим перемены ума. А перемена ума – это итог истовой исповеди. Душа омывается благодатной влагой Божьей любви к нам, в ней занимается тихий свет, и она «добру открывает двери».

Посмотрим, как эти чудеса происходят в пределах одного стихотворения Григорьева, посвященного хранителю пушкинского Михайловского Семену Гейченко.

На Синичьей горе

Семену Гейченко

Стихи стихают. Погасают дали.
С Россией распрощались журавли –
Откалялись, отпели, отрыдали.
И небу нету дела до земли.

Заваривает снежное причастье
Монах-ноябрь костлявою рукой.
Печаль и пепел. Хладное бесстрастье.
Бескровный день. Кладбищенский покой.

И не избежь зальделым кленам дрожи,
И не избыть распятие кресту,
И сумерки на вашу жизнь похожи,
И долог путь к запретному Христу.

Но это только миг, лишь промельк смутный,
Встревоженной души невольный вздох:
В глубинах нашей веры бесприютной
Неугасимы ни Поэт, ни Бог.

Цветут Святые Горы вокруг Синичьей,
Как желтые венки вокруг венца.
И всех, сюда взошедших, без различий
Сам ветер причащает из корца.

И опять приходит на ум пушкинское стихотворение (причем в его первоначальной редакции):

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

Пушкин понимал, что такое человек без исторической памяти: сам Бог требует, чтобы человек хранил свои святыни – в этом его величие и бессмертие. Память о прошлом – это духовное, вертикальное, продолжение жизни, без этого мир становится мертвой пустыней, а душа человека – пустой. А. С. Пушкин находит для выражения своих мыслей удивительные слова – высокие, емкие и торжественные. Однако услышать их по-настоящему может только та душа, которая умеет любить: слово «любовь» дважды

помянуто в первой строфе стихотворения. Здесь необходимо и евангельское умение видеть и слышать, так как именно оно раскрывает глубину и емкость слов, заключающих в себе главные смыслы стихотворения.

Игорь Григорьев в своем стихотворении не боится вторить великому собрату по перу. Стихотворение обращено не только к другу, Семену Гейченко, но и к Александру Сергеевичу – Поэту. Слово «Поэт» у Григорьева поставлено рядом со словом «Бог» и даже написано так же — с прописной буквы.

Печальна и безрадостна картина первых двух строф стихотворения. В них воссоздана горизонталь событий. И невольно задумываешься: улетевшие журавли – за кого откалялись, кого отпели, о ком отрыдали? Да ведь за нас откалялись, нас отпели, о нас отрыдали... Почему? Ответ здесь же, рядом: «небу нету дела до земли». Ведь это наши мысли! Это мы не верим в Бога, не верим в то, что мы нужны Ему, а Он – нам.

Для Пушкина поэт – это пророк, который несет людям Слово Божье (стихотворение «Пророк», 1826). А впереди – «Веленью Божию, о муза, будь послушна» (стихотворение «Памятник», 1836).

Итак, в первой строфе стихотворения «На Синичьей горе» мы получаем горькое свидетельство – о нашем безверии. А следующая строфа раскрывает, к чему безверие ведет. Оно разрушает время и пространство и влечет нас

к смерти: монах-ноябрь заваривает смертельное снежное причастие, кровь останавливается в жилах, кладбищенский холод леденит душу.

Но этот мотив ледящей смерти прерывается в третьей строфе строчкой «И не избыть распятие кресту». «Не избыть» – распятие Христа неизбежно. Неизбежно и наше спасение. Александр Сергеевич и Игорь Григорьев это знают. Знает Григорьев и то, что «долг путь к запретному Христу». Но это единственно верный путь в жизни.

Имя Христа мистически меняет атмосферу стихотворения: оно преодолевает в нашем сознании пространство и время и соединяет настоящее с прошлым и будущим. И рождается истина:

В глубинах нашей веры бесприютной
Неугасимы ни Поэт, ни Бог.

Жизнь Святогорского монастыря, жизнь его погоста в последней строфе стихотворения расцветает венками осенних листьев. Есть чему порадоваться: наша вера не иссякла, она извечна, глубока и неугасима. Бог и Поэт ее хранят. И эта радость нашего открытия сродни Божественному причастию: светлая благодать посещает всех, хранящих нашу веру, нашу культуру, нашу историю, нашу поэзию.

3. «Долог путь к запретному Христу»

И – с самим собой – в поле ровное
Выхожу: один на один!

Игорь Григорьев

В предыдущей главе стихи приводились из сборника 1995 года «Боль». Это сборник стихов Игоря Григорьева, изданный за год до смерти. И название его символично: именно боль в поэтике Игоря Григорьева – путь к Божьей благодати, которая даруется ради терпения и смирения – высших христианских достоинств.

Я, рожденный русской болью,
В раны верую, –

провозглашает поэт в стихотворении «У причала».
На грани жизни и смерти в страданиях открывается поэту
мудрость православия:

А я, как мой Пророк, мечту лелеял тоже:
И врага любить, и милость к падшим звать.

Но... меч в моей руке! Помилуй, правый Боже,
Любовью надо жить и, значит, убивать?

* * *

Завтра день мой: лишь птицы аукнут –
Стукнет двадцать мне, если не стукнут.

* * *

Воля, каторга ль – все тут кровное.
Крест нещаден и свят – ты сын...

* * *

За волю неволей плачу.

Сквозным символом испытаний в книге «Боль» становится
вьюга, ледяная, шальная и желанная:

Полубилось мне буйство метели
Крепко-накрепко, может, и рано.

.....

Рано, нет ли – печалиться поздно:
Ни гордыни в душе, ни корысти.
И за тучами – высь не беззвездна,
И молитва в разбойничьем свисте.

Не обделят, ничуть не обманут
Налитые огнем ее губы.
Все сомненья надеждами станут,
Станут снега послушны и любы.

Вьюга скроет ухабы и взлобки –
Все привычное переиначит.
Сдавши спину ей, зябкий и робкий
Не слезами – ледышками всплечет.

Ну а я, зимогоров потомок,
Заслоняться от лады не волен:
С первых зорь до последних потемок
Гореваньями вьюжными болен.

В своих воспоминаниях «Я – насовсем, жизнь» литературовед, доктор филологических наук Вл. Шошин пишет: «Творчество Игоря Григорьева разворачивается на *многовековой перспективе истории России*. <...> перед нами <...> поэт вдумчиво-университетского кругозора. Вот он пишет стихотворение “Сергею Есенину”. Пушкину, своему любимому земляку по селу Михайловскому, он посвящает стихи “Пушкин в деревне”, “В Михайловском”. И, хотя родная Псковщина в историко-литературной перспективе остается на первом плане, вместе с Лермонтовым Григорьев едет на Кавказ и пишет стихотворение “Машук в тумане”».

Читаешь Григорьева, а на ум приходят классические образцы аналогичных ситуаций: «Бесы», «Метель», «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, снежные циклы и поэма «Двенадцать» А. А. Блока. По-разному осмыс-

ливается поэтами образ метели, но в поэзии, как и в космическом пространстве, действует закон всеобщего отталкивания и притяжения. И в этом взаимодействии расширяется смысловое поле каждого отдельного произведения.

В названных произведениях всех трех поэтов прежде всего взаимодействует время, рождающее разное философское осмысление вьюги–метели–бурана. Но у всех трех поэтов это осмысление носит нравственно-духовный характер.

Метель у Пушкина – это вектор Божьей воли и милости, вектор Божьего промысла. Нелепое венчание Марьи Гавриловны со случайно подвернувшимся повесой-офицером круто изменяет ее судьбу и, казалось бы, делает ее несчастной. На деле оно пресекает своеволие и направляет ее жизнь в пространство Божьей воли, которая сделает ее счастливой.

Буря и случайная встреча юного и неопытного Петра Гринёва с Пугачевым неожиданно окунает его в стихию выбора и ставит в обстоятельства, которые вначале невозможно было предположить. Это встреча становится источником духовного возрастания юноши: она открыла ему тайники человеческой души, показала цену верности и предательства, созидательную силу милосердия, силу любви, укрепила его веру в Бога.

Судьбоносными и благодатными в жизни пушкинских героев оказались и метель, и буран. Но в снежной метели Пушкин слышит и угрозу – угрозу возмездия за грехи, когда человек в жизни сбивается с пути истинного. Это наши грехи собирают бесовские орды, делая нас слепыми во вьюжной круговерти, когда все дороги занесло.

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно.
Да кружит по сторонам.
.....
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.
.....
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?
.....
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

Это первое стихотворение («Бесы», 1830), написанное в первую болдинскую осень, когда поэт, готовясь к свадьбе,

подводит итоги прожитого и уже отчетливо слышит шаги командора – шаги возмездия за грехи – шаги, которые в «Каменном госте» настигают не только Дона Гуана, но и его! Вьюжные пляски в «Бесах» – это пляски смерти, дыхание которой Пушкин не только чувствует, но и осознает. Закон возмездия осмыслиют и Лермонтов в стихотворении «Предсказание», и Блок, который кожей ощущает «холод и мрак грядущих дней» и в 1907 году пишет стихотворение «Второе крещение»:

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.
.....
И гордость нового крещения
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет – Смерть.

Стихотворение это невольно заставляет вспомнить пушкинского Вальсингама и его гимн в честь чумы. Да, воис-

тину грех заводит человека в тупики безумия. Бесовские пляски смерти, безумные в своем восторге, леденят душу богоборческим хладом самоубийства.

С началом XX века Блок все яснее видит необходимость «выделки человека в человеке». У него появляется мечта о рождении новой породы людей. Именно с этими мыслями он пишет поэму «Двенадцать».

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер –
На всем Божьем свете!

Стихия ветра разрушает мир зла, но разрушает по законам зла. В революции Блок видит слепоту тех, кто, совершая ее, уничтожает и то великое историческое наследие, которое является духовным достоянием страны, нации и ее будущего.

Сначала может показаться, что двенадцать красногвардейцев – это сила, с которой ветер согласен. Но скоро вместе с поэтом мы убеждаемся, что зло старого мира коренится не в пространстве, а в человеке, рожденном этим миром. Любовный треугольник Катька – Ванька – Петруха для этого и нужен поэту.

В финале поэмы ветер поворачивает против двенадцати. Они ищут врага, но не видят его, не видят потому, что этот враг – в них самих.

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

.....
...И идут без имени святого
Все двенадцать – вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

.....
Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухи,
Где одна пылит пурга...
.....
Трах-тах-тах! – И только эхо
Откликается в домах...
Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Мы начинаем понимать, что вьюга противится тому, чтобы двенадцать вошли в новый мир: они не готовы к новой жизни. Они не знают и не понимают святых законов ее: в новый мир они принесут зло старого мира. Они стре-

ляют в метели, стреляют вслепую, и вьюга своим долгим смехом указывает нам на их несостоятельность. Она удерживает их, не пускает в будущее, которое в образной системе Блока увязывается с ликом Христа, стоящего над вьюгой и увиденного поэтом.

Размышления о вьюге и человеке – это размышления о русской душе, о русском пути. Они приводят нас к словам Ф. И. Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Да, для Тютчева, как и для Блока, Россия – это лирическая величина: это надежды и чаяния русского народа, это путь к их осуществлению, это «вечный бой» за них. Это вечное недовольство и вечная жажда, это вечная недостижимость вечного счастья. Этот вечный бой – и есть наше счастье.

Счастье потому, что не иссякает стремление русского человека к идеалу и Господь дает силы снова и снова возрождаться из пепла. Душа русского человека – это бессмертная птица Феникс, которая не сгорает в поисках лучезарного Небесного Отечества. И путь к этому Отечеству – сквозь вьюгу.

Да, Россия – это лирическая величина: это сумма надежд и чаяний всех живущих и покинувших этот мир. «И вечный бой, покой нам только снится!»

* * *

Судьбоносный образ метели-вьюги у Пушкина и Блока не может быть иным и в стихах Игоря Григорьева, ибо у них одни и те же духовные и нравственные основы. Ведь пушкинская и блоковская традиция – это важная и неистребимая составляющая русской культуры, русской души.

Григорьев как бы продолжает блоковскую тему рождения нового человека. Но если у Блока вьюга направлена против двенадцати, то у Григорьева вьюга-то и совершает эту «выделку человека в человеке». Именно вьюга преобразует, и рождение в нас высоких христианских достоинств: смирения, терпения, любви, веры – это результат испытания вьюгой.

В сборнике «Боль» примерно сто стихотворений, и в каждом шестом-седьмом поминается вьюга. Думается, что применительно к этому сборнику можно говорить о сквозном образе вьюги, выражающем основные мысли поэта.

Образ вьюги, очищающей нас и примиряющей с миром (хочется слово «мир» написать по-славянски: через і десятиричное), образ вьюги, созидающей нас, имеет ярко выраженный православный акцент.

И первое стихотворение о вьюге – удивительно! – вовсе не о вьюге, а о смирении: поэт уже сдался ей и смирился с этим.

Тебя принимая, себя не жалею,
За волю неволей плачу.
С поклоном пожму пятерню снеговею,
Прижмусь к ледяному плечу.

Хоть небо твое чужевысей не выше
И к стуже – закатный костер,
К тебе, моя Вьюга, пришел я – не вышел:
И руки, и душу простер.

Застыну, оттаяв над бездною гладкой,
Поверю в весеннюю Русь,
Вздохну ненароком, заплачу украдкой
И вновь над собой засмеюсь.

Почему заплачу? Почему засмеюсь? Что это? Старое вспомнил донкихотство, сражение с ветряными мельницами? Ты думал победить вьюгу? И замахнулся на Божьи дела? Слава Богу! Ты умерил свою прыть и смирился. Это хорошо.

Да, тебя ожидают бои, но не со вьюгой, а с самим собой. Отныне вьюга – твоя союзница. Она уже помогла тебе понять себя и преобразиться – стать свободным от многих заблуждений. Ценой неволи ты приобрел волю.

Поразительна глубина этого стихотворения, и как далеко то, о чем мы говорим, от нашего первого восприятия, первого его прочтения. Мы вчитываемся, удивляемся нашим открытиям, и стихотворение созидает нас.

Как же происходило сражение со вьюгой? Она проникла во все стороны земной жизни лирического героя. В зимней вьюжной круговерти он теряет друзей, любимую, родной дом, творчество, вот-вот потеряет себя. Боль нарастает и усиливается:

Живёшь... и вдруг увидишь:
Тебя здесь больше нет.
Поклонишься. И выйдешь
Из дома в белый свет.

За дверью передряга –
Метельная беда.
Пройдёшь четыре шага,
А сзади – ни следа.

.....
В седом пожаре вьюги
Кричит зальделым ртом,
Заламывает руки
Тебя прогнавший дом.

* * *

Ты ушла. Никто нейдёт.

Да прихожих и не надо.
Только снежная осада...
Что зима – не твой бы лёд.

Я бы выбег на бугор,
Перетрогал бы потемки,
Догляделся бы до кромки:
Вдруг да смилуется бор...

Никуда я не пойду:
Разве сжалуется вьюга.
Нелюбезная округа
Вся в неистовом бреду.

* * *

Выдохлась метель, зима устала.
Затемнели мартовские снега,
И передвижение застряло:
Ни в дровнях, ни пёхом, ни в телеге.

Ни в шалман пойти, ни побираться,
Подаянья клянча Христа-ради.
А к тебе и настом не добраться.
Ну и ну: кружу, как волк в окладе.

* * *

Что было, быть тому до дна –
Ничто не сплыло.

И я один, и ты одна.
Я пью уныло...

Боль отчаяния, боль одиночества, боль уныния. И кажется: нет выдоха. Поэт – в тупиках мрака. Рядом – никого, кто мог бы помочь. Только вьюга, причинившая ему столько боли. А ведь вьюга – это стихия, подвластная только Божьей воле. «Кружение вьюги затмило мой разум: это ведь я сам накликал всю мою боль своими грехами. Господи, прости! Я забыл о Тебе, Господи, я нарушил главную заповедь... Я сбился с пути! Каюсь! Помоги!»

И поэт слышит внутренний голос – голос совести – голос Бога: «Время – петь!».

Поэт не потерял себя. Он достаточно настрадался – пришло время все обдумать, во всем разобраться – время мудрости. Так появляется новое стихотворение «Вьюга» в котором за завесой и противоречиями жизни открывается дальний прицел происходящего.

Разойдется – прикончить могла бы,
А уймется – нежней незабудки.
.....
Полюбилось мне буйство метели...
.....

И за тучами – высь не беззвездна,
И молитва – в разбойничьем свисте.
.....
Вьюга скроет ухабы и взлобки –
Все привычное переиначит.
.....
Заунывные песни тревоги...
Все о свете, о цвете – о лете.

Любящий нас Отец открывает поэту и нам цели, которые мы изначально не видим. Вместе с поэтом мы начинаем осознавать созидательную роль вьюги. В буйстве метели мы начинаем слышать молитву. Мы видим, как вьюга изменяет пространство вокруг нас. Мы открываем для себя, что конечная цель вьюги – это дать людям свет. Господь хочет, чтобы свет осветил каждую человеческую душу.

И если у Пушкина вьюга – это перст судьбы, у Блока – индикатор зла, то у Григорьева вьюга создает, созидает человека:

Сестра милосердная вьюга,
Прости мне: дай руку, мой друг!

И совсем просто и понятно, по-житейски, рассказывает о вьюге поэт в стихотворении «Сыну», рассказывает о необходимых условиях жизненной безопасности:

– о вьюгах забывать нельзя;
– нам необходимо освободиться от самого увесистого груза на нашем жизненном пути – от наших вздохов;
– пустые страсти пусть ветры унесут;
– и главное: мы должны верить в успех.

И снова, как это часто бывает в стихах Григорьева, совсем неожиданным является заключение:

Пусть вьюгам – вьюжье: снежная страда,
Хмельные вопли, холода шальные, –
Они ведь до поры: они больные.
Ведь вьюги что? – весенняя вода.

Они больные? А может быть, они – порождение нашего больного, искаженного грехом видения мира? Когда мы задумываемся над этим, мы исцеляемся. Так во вьюге зреют семена весны и весеннего возрождения. И как итог: «Вьюга спета. Май есть май».

Вьюга разгадана. Теперь можно и пошутить:

Жарко хороводит
Снежная крутель,
В рученьки заводит
Лапушка-метель:

– Дочь я царь-тумана!
Мой ты навсегда!..

– Мне жениться рано,
Да и ты седа.

Вечная девица,
Сбавь крутую прыть:
Мне ещё крутиться,
А тебе крутить!

Здесь исчезает тревожная окраска. Эпическая легкость хорея, приправленная частушечной шуткой, как печатью, припечатывает вечный закон о мире и человеке: «Мне ещё крутиться, А тебе крутить!». Но приходит новый день, «день – разлитое диво», и поэт тоскует о вьюге: «Но вьюга моя далеко!».

Стихи Игоря Григорьева прикрыты некоей завесой, и не сразу раскрывается читателю их сакральный смысл. С первого взгляда простые и немудреные, они таят в себе божественные законы устройства мира, познавая которые, мы обретаем истину, открываем цену смирения, а вместе с ними обретаем благодать Божию и радость жизни. Главное в этих стихах то, что, по словам Антуана де Сент-Экзюпери, «глазами не увидишь». Поэт любит нас поставить в тупик неожиданными сентенциями – выводами, которых мы не ожидали. Мы стараемся их раскусить, понять, начинаем думать самостоятельно – и уже сами открываем для себя главный закон жизни: не вмешивайся в промысел Божий, старайся его понять и принять.

Вместе с поэтом мы начинаем любить вьюгу и благодарить судьбу и Бога за нее. Ведь вьюга порождает не только страдание, но и прозрение: Господь вразумляет нас. Мы с удивлением начинаем понимать, что вьюга, как и любое бедствие, – это порождение наших грехов, наших промахов: мы нарушили правила жизни и безопасности, данные нам Господом на скрижалях Моисея (Десять заповедей) и в Евангелии (Заповеди блаженства).

«Возлюби Господа и ближнего, как самого себя!» Возлюби! – Господь хочет, чтобы этот закон любви был записан на плотных скрижалях сердца каждого христианина. А ведь мы вспоминаем о любви к Богу и ближнему лишь тогда, когда нам самим становится в жизни невыносимо.

Мы нарушаем заповеди Божьи, мы грешим, но готовы ли и можем ли мы изменить себя? Любящий Господь всегда поможет нам, но выбор должны сделать мы сами: всемогущий Господь не властен навязать нам Свою волю.

Воля, каторга ль – все тут кровное,
Крест нещаден и свят – ты сын...
И – с самим собой – в поле ровное
Выхожу: один на один!

Каким будет предстоящий путь? Вот как его предсказывает некая убогая странница в стихотворении «На дороге»:

– Твоя далекая дорога
Горька, да горе дарово.
Как боязно не верить в Бога!
Как страшно веровать в Него!

Я и сама не шибко верю –
Видать, прогневался Господь:
Курю и пью, дорогу мерю,
Скрываю злость, лелею плоть.

Продленья дней не молишь – ловишь,
Сама себе – бедой-беда.
А ты! Не пьёшь? Не прекословишь?
Не копишь зла?
– Да как когда...

– Хоть грех, да жисть – не хата с краю:
Себя никто не превозмог...
Ну, прощевай. Благословляю.
Пойдёшь – дойдёшь. Спаси ты Бог!

Размышляя о поэзии Игоря Григорьева, мы говорили о семенах и сеятеле. Приведенное выше стихотворение дает нам еще возможность собрать урожай Божьих истин.

1. Горе (грех) легко привязывается к человеку.
2. Не верить в Бога – боязно, да и веровать – страшновато.
3. Господь не дает веры тому, кто грешит.
4. Православные знают, что курение – это молитва сатане.

5. Пьяница Царства небесного не наследует.
6. Злость, обида, непощение убивают главный закон христианской жизни – любовь.
7. Заботясь о плоти, нельзя забывать о Боге и душе.
8. Строить свою жизнь без Бога – пустая затея: это своеволие, произвол, направленный против Бога.
9. Эгоистическое «моя хата с краю» разъединяет людей.
10. Победить грех – дело нелегкое и без помощи Божьей – невозможное.

И хотя все эти десять истин в устах странницы вывернуты наизнанку и поданы как грехи, ее заключительное напутствие поражает живучестью идеи Христа, идеи Бога в русской душе. Историческая память о Боге не умирает, она живет в человеке:

Ну, прощевай. Благословляю.
Пойдёшь – дойдёшь. Спаси ты Бог!

А в наше сознание западает почти есенинское¹:

Как боязно не верить в Бога!
Как страшно веровать в Него!

Страшно – потому что мы разучились любить.

¹ У Есенина: «Стыдно мне, что я в Бога верил. / Горько мне, что не верю теперь».

4. Блудный сын

По разным чужбинам шатался –
Скобарь, шантрапе ль побратим?
Измучился. Родине сдался.
И, пленный навек, победил.

Игорь Григорьев

Впервые стихотворение «Блудный сын» появилось в сборнике 1991 года «Русский урок». Евангельская тема блудного сына была бы естественной в биографии каждого из нас: все мы блудные дети, но все по-разному возвращаемся (если возвращаемся) к Отцу Небесному, любящему нас и ждущему нашего возвращения, тем более если это возвращение уже выстрадано нами самим. Мы возвращаемся, чтобы получить прощение за наш эгоизм и наше своеволие. Мы возвращаемся готовыми к преображению.

Вот как об этом сказано в стихотворении Григорьева:

Была бесприютна погода –
Покров мокроснежил и дрог.

Так случилось уж: трудных три года
Я тут не ступал на порог.

Печального образа рыцарь,
Каких только чуд не чудил.
В погоне за стервой жар-птицей
Ни песен, ни крыл не щадил.

По разным чужбинам шатался –
Скобарь, шантрапе ль побратим?
Измучился. Родине сдался.
И, пленный навек, победил.

Пред этим обиженным домом
Я плачу. Я снова рождён.
И пахнет знакомым-знакомым:
Позёмом да вешним дождём.

Думается, что надо сделать одну оговорку, важную для православного человека: синонимом слова «Родина» является для нас слово «Отечество», которое сразу переводит нашу мысль в более высокий смысловой ряд – к нашему Отцу Небесному.

Название стихотворения «Блудный сын» и переключка этого названия с евангельской притчей являются основанием для такого хода мысли. Евангельский блудный сын тоже возвращается в свое Отечество – к Отцу Небесно-

му. Но есть одно существенное отличие нашего блудного сына от евангельского.

Евангельский блудный сын, покинув дом отца, растратил полученную часть имущества. И если изначально он был духовно слеп, то, возвратившись, он приобрел духовные ценности: раскаяние и смирение через голод привели его к отцу, чтобы вымолить прощение.

Наш блудный сын изначально духовно просвещен: Бог Отец, Отечество, дом, семья, близкие, друзья, творчество – всем этим он дорожит. Но он постоянно рискует потерять их, так как пренебрегает правилами жизни, а страсти постоянно разрушают нас, уводя в тупики соблазнов, сомнений, уныния и неверия.

Наш блудный сын должен осмыслить положение своих дел. С этим он уходит из дома – и возвращается, не растеряв свои жизненные установки, но утвердившись в них и приумножив их. Грешный, но готовый к преображению человек предстает перед нами.

Кого из нас не посещают сомнения в вере? Особенно в наш век, когда мир целенаправленно разрушает ее. И Господь позволяет поэту стать блудным сыном, чтобы он сам во всем разобрался:

Я чегой-то сник в печали,
Призавянул, приугас:

На возлюбленные дали
Сколько дней не пялю глаз.

.....
Был на «ты» с дремучим лесом,
С крутовьюжьем и грозой.
Вдруг, спознавшись с модным стрессом,
Стал, ей-Богу, сам не свой.

.....
Небо немо и широко,
Ветру зябкости не жаль...
Приюти меня, дорога,
Вразуми, зараспечаль!

Перелистаем страницы сборника «Боль». Какие же открытия для себя делает поэт, наш блудный сын?

В своих блужданиях поэт делает для себя четыре открытия.

Во-первых, поэт сознает себя плохим сыном, причастным ко многим нестроениям в своем Отечестве.

Неволя, недоля, чужбина –
Ни слова, ни зги, ни следа.
Да русская ль это ложбина?
Да жива ли в речке вода?

Крадусь неприкаянным вором
Чужою родной стороной.

* * *

Горемаятная родина,
Горемаятные мы:
На пустых холмах – болотина,
На болотине – холмы...

Или вера сгила начисто?
Или верится до дна?..

* * *

От деревенщины моей,
От сельской простоты
Остались только горечь пней
Да ломкие кусты.

Давно повален темный бор,
Дремучий, вековой.
Причастен к ней и мой топор,
К той рубке гулевой.

.....
И Русь не та, и сам не тот –
Иные времена.
Но в ворохе золы живет,
Горит моя вина.

Во-вторых, в мире, в котором родные люди несчастны, не может быть и личного счастья у поэта – это тема Некрасова, Блока, Маяковского, традиционная тема русской поэзии.

Живёшь... и вдруг увидишь:
Тебя здесь больше нет!
Поклонишься. И выйдешь
Из дома в белый свет.

.....
В седом пожаре вьюги
Кричит зальделым ртом,
Заламывает руки
Тебя прогнавший дом.

* * *

Ты ушла. Никто нейдёт.
Да прихожих и не надо!
Только снежная осада...
Что зима – не твой бы лед.

Я бы выбег на бугор,
Перетрогал бы потемки,
Догляделся бы до кромки:
Вдруг да смилуется бор...

* * *

Заледенело сердце:
В ретивом перебой –
Любовью не согреться.
– Россия, что с тобой?

* * *

Что ни распутье, то распятые,
Что ни распятые, то прогресс.
Благословенье и проклятые,
Как близнецы, похожи здесь.

В-третьих, утвердившись в своей причастности к разрушению Отечества, поэт возвращается примиренным с миром, который изначально прекрасен. Поэт полон желания не разрушать, а творить.

В самом себе ненастье укротив,
Сноп вешних слов спали в костре напева –
Жги, не жалея их: словеса – не древа:
Они воспрянут, песню осветив.
Сжигай слова, чтоб не остыл мотив!

* * *

Старый отче, теплый берег,
В пору трудную
Не заждался? Не отверил
Сыну блудному?

.....

Не серчаешь? Вот и ладно.
Почеломкаемся!
Дай обнять тебя, прохлада,
Радость ломкая!

* * *

Поклон, поклон, ржаное поле,
Прозрачный брод, косой стожок!
Мне жар земли безверье сжег –
Ни зла, ни зависти, ни боли.

Здорово, ласковые звери –
Ежи, сороки и ерши!
Ей-Богу, с вами хоть пляши:
Душа добру открыла двери.

В-четвертых, Господь открывает поэту двери Своего дома – храм Любви. Мир изначально прекрасен – поэт убеждается в этом снова и снова. Он переживает то состояние радости, которое когда-то пережил библейский царь Давид, о чем свидетельствует его псалом:

«... Ты возвеселил меня, Господи, творением Твоим: я восхищаюсь делами рук Твоих. Как велики дела Твои, Господи! дивно глубоки помышления Твои! Человек несмысленный не знает, и невежда не понимает того» (Пс 91:5–7).

Поэт познал и уразумел эти дивные дела – замыслы Божии:

И под небом земля – не отдушина:
От хором до хоромины – дом.

Его мысли «прихорашиваются в благодать», а Божий мир преобразается и становится Божьим храмом, в кото-

ром Сам Господь творит литургию: исповедует, очищает и причащает:

Хорошо с умытым полем
На заре перекликаться –
Песней росной, сердцем полным
От унынья отречься.

* * *

Сиротливый кустик с юркою синицей
И грехи отпустит, и воздаст сторицей.

* * *

Цветут Святые Горы вокруг Синичьей,
Как желтые венки вокруг венца.
И всех, сюда взошедших, без различий
Сам ветер причащает из корца.

Господь любит всех, и грешных в первую очередь. Неверующих нет. Есть заблуждающиеся. Господь знает, как Он нужен каждому.

Поэт снова и снова подводит итог своему общению с Божьим миром:

Мне жар земли безверье сжег...

* * *

По разным чужбинам шатался –
Скобарь, шантрапе ль побратим?
Измучился. Родине сдался.
И, пленный навек, победил.

Пред этим обиженным домом
Я плачу. Я снова рожден.

«Снова рожден» как поэт, который должен поделиться с другими своими открытиями.

Тихий брег в туманной дымке.
Лежень ласковый.
Распечаль, размыкай думки
Складкой-сказкою...

В сочетании «складка-сказка» слышится и слово «склад» (складно), и слово «сладкий». Уже многие обратили внимание на язык стихов Игоря Григорьева – коренной, из недр Псковской земли, живой и духмяный, как псковское разнотравье. Григорьев умеет расширить смысл слова: оживить и умножить его семантическое и эмоциональное пространство. Неслучайно лингвист Анатолий Павлович Бесперстых уже составил словарь эпитетов стихов Игоря Григорьева, и эта работа с лексикой стихов поэта продолжается.

Сохранение живого великорусского языка – это дело государственной важности. Гибель языка – это гибель нации, и наоборот: гибнет нация – гибнет и язык.

Когда-то Константин Дмитриевич Ушинский предупреждал: «Когда исчезает народный язык, народа более нет». Это понимали и Ломоносов, и Тургенев, и Анна Ахматова, которая в феврале 1942 года в стихотворении «Мужество» провозгласила: спасти Родину – это значит спасти «великое русское слово», и именно ему, русскому слову, она обещала:

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Это многие перестали понимать сейчас, отдавая предпочтение английскому языку, превращая себя и своих детей в потенциальных рабов и изгоев.

* * *

В пору уничтожения в России ее духовных корней поэзию Григорьева спасали как раз эти самые российские духовные корни. Как ему было трудно и где он искал поддержку, можно видеть в небольшом стихотворении, напечатанном впервые в 1962 году в сборнике «Листобой».

Зори да версты.
Колотьё в поясице.
Ветер шуршит берестой.
Нечему подивиться.

Выбоины. Безлюдье.
Воронов мокрых орава.
Зябкий туман распутия.
Дума: налево ль? Вправо?

Вздулись на лбу прожилки.
Высинил холод кожу...
Муромец на развилке
Думал когда-то тоже.

В доме Игоря Николаевича это стихотворение было всегда на слуху: «Муромец на развилке дорог Думал когда-то тоже». Как бы мы ни писали последнее слово: слитно – «тоже» или раздельно – «то же», это не меняет его смысл. Преподобный Илия Муромец Печерский – святой Русской Православной Церкви. В молодости был исцелен чудесным образом и благословлен на защиту Руси. Постригся в Киево-Печерской лавре, принял схиму и во время осады обители получил смертельное ранение. Умер в 1188 г. Его мощи почивают в Ближних пещерах этого старейшего на Руси монастыря. Его день в православном календаре – 1 января (19 декабря ст. ст.).

Поэт не одинок на Руси в поисках истины. Россия всегда славилась своими верными сыновьями.

Воля, каторга ль – все тут кровное.
Крест нещаден и свят: ты – сын, –

эти слова жили и в душе преподобного Илии Муромца.

Нередко поэтические сборники Игоря Николаевича сопровождались статьями его университетского друга доктора филологических наук, сотрудника Пушкинского Дома Владислава Шошина, который, по признанию самого поэта, как никто умел утешить и вдохновить его.

Статья его об Игоре Григорьеве в сборнике «Боль» неожиданно открывается словами писательницы Веры Пановой, которая, хотя и с известной долей иронии, но возводит поэта Игоря Григорьева на поэтический пьедестал: «Кто бы мог подумать, что этот “кавалерист” на псковском коньке въедет в русскую поэзию?».

Приведенная реплика, несмотря на некоторую ироничность, конечно же, представляет дружескую поддержку со стороны «светлого кореша», Владислава Шошина. И поэт, хотя тоже не без иронии, благодарит друга:

Мой радетель, мил товарищ,
В дни замалчивания песни
Голубой мечтой расхмаришь:

(и дальше следует утешение якобы от лица Владислава, а фактически – самоутешение, тоже ироническое):

– От сомнения воскресни!
.....
Да тебе ль стихам не верить
В храме лирики, Григорьев!
.....
Не пеняй на небылицы,
На загадки без отгадки:
С Русской Музой породниться
Можно только без оглядки.

Господь спас Игоря Григорьева от разрушения, дал ему многочисленные источники «стяжания духа Святаго». Господь дал ему Родину, неповторимую русскую душу, веру, совесть, талант, мудрость, природу, образование, опыт, семью, друзей, которых много. Поэт помнит о них, посвящает им стихи, выпускает целый сборник стихов с посвящениями («Кого люблю», 1994). И среди друзей – писатели и поэты, соратники и единомышленники: Федор Абрамов, Василий Белов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Сергей Поликарпов.

Господь одарил его высшими христианскими достоинствами. Поэт жил верой, надеждой и любовью. Господь научил его не осуждать, прощать и просить прощения. Ему

были открыты через страдания и испытания высшие православные добродетели – терпение и смирение. Все его поступки проверялись совестью.

Именно об этих качествах православной духовности говорят Отцы Церкви в древних патериках. Приведем лишь несколько их высказываний из «Египетского Цветника» (М., 2010):

«Любовь есть исполнение закона и превосходнее веры и надежды» (свт. Кирилл Александрийский);

«Если кто любит Бога, то и Бог сообщает ему любовь Свою» (прп. Макарий Великий);

«Приучи язык свой говорить: “Прости”, – и смирение снизойдет на тебя» (прп. Исаия);

«Древо жизни, поднимающееся в высоту, есть смиренномудрие» (авва Иперехий);

«Совесть есть естественная книга велений Божиих» (прп. Марк Подвижник).

* * *

Судьбы русских поэтов, хоть и разные, чем-то схожи. Нынче уже многие слышали о знамени, которое увенчало кончину А. С. Пушкина. Да, поэт перед смертью исповедался и причастился. Да, его похоронили по-православному, в точности исполнив его желание быть погребенным у стен Успенского собора в Святогорском монастыре:

он еще за год до смерти приобрел для себя место на кладбище рядом с матерью, бабушкой, дедом и братом Платоном. Но мало кто знает, что скончался поэт в день святого Ефрема Сирина, молитву которого мы ежедневно читаем во время Великого поста («Господи и Владыко животу моему...»).

А. С. Пушкин любил эту молитву и переложил ее, почти не изменив, в стихотворении «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836 г.). И разве не чудо, что Господь призвал раба Божия боярина Александра именно в день Ефрема Сирина? Это Ефрем Сирин принял душу поэта!

И теперь во время Великого поста, когда мы читаем молитву Ефрема Сирина, мы невольно поминаем и нашего Поэта, вместе с Ефремом Сирином помогающего нам очиститься от грехов.

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалиа, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Игорь Николаевич Григорьев родился 17 августа 1923 года.
Его ангел-хранитель и духовный покровитель – святой

благоверный великий князь Игорь Черниговский и Киевский, князь-страстотерпец.

Игорь Ольгович был призван на Киевское княжение в тяжелое для Руси время постоянной борьбы за Киевский престол князей Ольговичей и Мстиславичей. Он сын известного нам по «Слову о полку Игореве» Олега Святославича, получившего прозвище Гориславич. В 1146 году, после смерти старшего брата, Всеволода Ольговича, киевляне присягнули Игорю. Но сторонники Мстиславичей, нарушив крестное целование, призвали князем Изяслава Мстиславича. Игорь был схвачен и заточен в темницу, а затем пострижен в монахи. В конце концов сторонники Изяслава, несмотря на протесты митрополита и духовенства, во время литургии ворвались в храм, где молился смиренный князь-инок, и предали его жестокой смерти. Это произошло 19 сентября 1147 года. Теперь этот день (2 октября н. ст.) – день памяти святого благоверного великого князя Игоря (в крещении Георгия, во иночестве Гавриила, в схиме Игнатия), имя которого стоит в одном ряду с именами князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, да и последнего русского царя Николая II.

Скончался Игорь Николаевич Григорьев 16 января 1996 года, в день последнего ветхозаветного пророка – Малахии («ангел» или «вестник» по-еврейски), жившего за 400 лет до Рождества Христова. При нем закончилось Вавилон-

ское пленение и был отстроен Иерусалимский храм. В сопоставлении эпохи Малахии и нашего времени легко наблюдается сходство: конец нашего XX века – это тоже конец коммунистического атеистического плена и начало строительства православных храмов, начало возрождения Православия на Руси. Тысячелетие Крещения Руси стало рубежом новой эпохи. А поэзия Игоря Григорьева – это свидетельство восстановления нашего исторического религиозного сознания.

Одним из первых на смерть Игоря Григорьева откликнулся всем нам хорошо известный иеромонах Роман (Матюшин), и в этом можно увидеть знак Божьей милости:

«Игорь Григорьев – прекрасный русский поэт, не покрививший душой и словом. Его поэзия – единение Правды, Страдания, боли. Его стихи всегда человечны и потому всегда чужды холодному рассудку и пустому сердцу.

Он меня покори́л тем, что, видя меня впервые, написал сразу: “От всей души, с любовью”. Я просто не ожидал такой искренности. Этот человек не заботился о себе. Он шел навстречу, рискуя быть непонятым, рискуя провалиться.

Это черта благородства...

Когда я находился у себя в скиту и мне передали, что его не стало, душу защемило. Я открыл его книгу и стал читать, как бы беседовать с ним. Как потерял родного человека! Немало уже терял, а такого щемящего чувства не знал...».

А вот что пишет о стихах Игоря Григорьева его сын, врач медицинской службы, пишет в 1984 году с берегов Тихого океана:

«...чем дольше я живу, тем глубже начинаю понимать его стихи. Я их часто перечитываю, многие из них для меня, как молитва. В них истинная боль и крик вещей русской души! Кто из нынешних поэтов постиг в такой глубине истоки Русской земли? В его стихах сплав времен, их неразрывное единство. Повторяю, стихи его, как молитвы, и сами собой входят в память. Теперь я знаю: отец прежде других, в одиночку, начал тот бой за наше будущее, о котором мы узнали лишь сейчас. Его пронзительные строки будят уснувшие сердца...».

Ах, деды, деды, кто вы были
В ту всенародную страду,
Когда святые гнезда были
У бесов зла на поводу?

Ах, бабы, бабы – вечность жизни,
Любви связующая нить.
Зачем на той безумной тризне
Вы дали совесть замутить?

И как вы, сердцем не глухие,
Не услышали Божий глас?
Все зовы, доводы лихие:
«Коль против веры – против вас!».

Ряды пророков поредели,
Сердца людские – глуше, злей.
Не взыщет совесть... Порадели!
Ни чуд, ни храмов-алтарей...

Отцы и дети – это вечная проблема непонимания друг друга. Но только там, где нет Бога. Там, где Он есть, эта проблема исчезает, исчезает по определению: пятая заповедь! Приведенное выше письмо написано Григорием Григорьевым, сыном Игоря Николаевича – самым родным ему по духу и крови человеком, ныне доктором медицинских наук, профессором, заслуженным врачом Российской Федерации и настоятелем храма Рождества Иоанна Предтечи, что в поселке Южки, – храма, который выстроен его трудам и заботами.

* * *

Десятки поэтов и писателей разных возрастов были вхожи в псковский дом Игоря Николаевича на Рижском проспекте, в дом, отмеченный сейчас мемориальной доской. Это и ближайшие друзья – Лев Маляков, Александр Гусев, Николай Тулимонас, Елена Родченкова, Светлана Андреева. Это и допущенные близко к сердцу Светлана Молева и Елена Николаевна Морозкина. Это и будущие песняры его стихов К. Быков и Виталий Салтыков – поэт, актер, композитор и режиссер. Это и Алексей Полишкарков, на-

писавший о нем поэму «Капитан Игорь». Это и Юрий Паркаев, посвятивший ему свои стихи. Это и Станислав Золотцев, написавший очерк о нем «Зажги вьюгу!». А сколько военных и партизанских друзей, и среди них Людмила Погоржельская, Владимир Клемин. И просто людей, которым он чем-то когда-то помог. Всех не перечислишь.

Дом его души вмещал всех!

Еще в 1965 году в сборнике «Дорогая цена» появилось стихотворение Игоря Григорьева «Поэты». Это его поэтический и жизненный манифест, который высоко оценил Станислав Золотцев:

«Оно мне сегодня представляется не просто программным – это завет для любого, кто хочет избрать своим поприщем Русское Слово. Наконец, по моему убеждению, это вообще одно из лучших и самых возвышенных произведений моего старшего псковского товарища:

Мы воли и огня поводыри
С тревожными раскрытыми сердцами,
Всего лишь дети, ставшие отцами,
Все ждущие – который век! – зари.
Сердца грозят глухонемой ночи,
За каждый лучик жизни в них – тревога,
И кровью запекаются до срока,

Как воинов подъятые мечи.
Взлелеявшие песню, не рабы –
Единственная из наград награда!
Нам надо все и ничего не надо.
И так всегда. И нет иной судьбы.
Нас не унять ни дыбой, ни рублем,
Ни славой, ни цикуты царской чашей:
Курс – на зарю!
А смерть – бессмертье наше.
И не Поэт, кто покривит рулем.

Живая русская классика наших дней. Строки, достойные войти и в хрестоматии, и в самые строгие по отбору антологии русской поэзии...».

Но вернемся к стихотворению «Поэты». В нем можно услышать лишь дежурные лозунги, которые оставляют нас равнодушными. Однако это не так. В стихотворении прикровенно существует ответ на то, что называется «загадка русской души». И если для Тютчева, как уже говорилось выше, Россия – лирическая величина («В Россию можно только верить»), то эта лирическая величина у Григорьева очерчена словами:

Нам надо все и ничего не надо.
.....
Нас не унять...
А смерть – бессмертье наше.

Вот она – русская душа: это вечное стремление к счастью, которого не может быть на земле, которое возможно лишь в небесном Отечестве.

Стихотворение «Поэты» посвящено поэту-современнику Сергею Поликарпову. Это ему принадлежат строчки стихотворения, подаренного им Игорю Григорьеву, взятые нами в качестве эпиграфа к этому эссе:

Тысячелетняя Россия!
Легко ли наново расти?

Есть только радость, только свет!

Любовь? Семья? Нам было 29 + 19 лет. Двенадцать лет вместе: Игорь Николаевич, Диана Васильевна, потом сын Григорий. В 1965 году дороги разошлись и продолжались параллельно, мы не теряли друг друга из вида. Думается, что в этом была не только необходимость, но и созидательный смысл: куда Господь не пускает, от того спасает. Отзвуки нелегкого, непростого расставания можно услышать в стихотворениях:

«Ты ушла. Никто нейдет...»;
Диане («Улеглись дневные страсти...»);
«Прошла поспешно мимо...»;
«Живешь – и вдруг увидишь...»;
«Было, нет ли? А коль было...»;
«Выдохлась метель, зима устала...»;
Оправдание («Я прочь ушел, я в ночь ушел...»);
«Звезду обманчивую стер...»;
Перед дорогой («Не надо горьких глаз, не надо тихой грусти...»);

Твой дом;
Письмо любимой.

Вот как движется мысль поэта в одном из них (впервые напечатано в сборнике «Не разлюблю», 1972):

Прошла поспешно мимо,
И – в вагон,
И от огней – в потёмки, в ночь простылу.
Летит за перегоном перегон,
И нет конца чугунному настилу.

Как синий нож, как приговор суда,
Холодные глаза отулыбались.
Кричат, поют, хохочут провода:
«Расстались –
Вместе насовсем остались!».

«Вместе насовсем остались!» – это сказано через семь лет после расставания. Предвидение поэта сбывалось. Время шло, все неглавное прибывалось к берегам. Главное оставалось.

В разных городах – но семья умножалась: сын Григорий с мамой Дианой Васильевной, его жена Елена Александровна, их дети – Анастасия, Дарья, Василий, бабушка Марья Васильевна, дети Дарьи Васильевны от второго брака – Василиса и Мария.

Встречались регулярно в Ленинграде, во Пскове, проездом в Белоруссию к деду и бабушке Григория, Василию Ильичу и Ольге Александровне Захаровым, прабабушке Ирине Егоровне. Взаимоотношения были теплые, заботливые, родственные. Обиды утихали, время залечило раны...

В 1990 г. Григорий Игоревич и Дарья Васильевна создали уникальную школу в Ленинграде – «Пушкинский лицей». Д. В. была его директором. Школа просуществовала 20 лет. Об этом можно прочесть в книгах, написанных Д. В. Григорьевой «В начале жизни школу помню я...», «Пушкинская тетрадь», «Лицейские встречи». В интернете есть сайт «Пушкинского лицея» (ГОУ № 563). Дарья Васильевна привозила в дом к Игорю Николаевичу своих учеников. Паломничества на Псковскую землю и к Пушкину были регулярными. Елена Николаевна Морозкина, подруга Игоря Николаевича, стала постоянным гидом «Пушкинского лицея» и сопровождала лицеистов в поездках по Святой Руси: в Новгород, Киев, Владимир, Суздаль, Ярославль, Кострому, Москву, на Валдай, в Вологду – на протяжении восьми лет.

А сейчас в семье Григорьевых родилось уже четыре правнука. Ну а что же любовь?

О любви сказано: «Сильна как смерть». Игорь Григорьев не уставал повторять: «Любимая любимой остается». В стихотворении «Письмо любимой» он признавался:

Я не сверну с дороги, не тужи,
Не проклянью затученное солнце,
Я не один, мне есть что петь, кем жить:
Любимая – любимой остается.

А на своей последней книге «Боль» он оставил автограф:
«Моей вечной жене Диане, вечно любя! 3 марта 1995 г.
Псков».

Хоронили Игоря в Санкт-Петербурге всей семьей. И сейчас
ежедневно Д. В. и вся семья возносят молитвы об упое-
нии его души. Господь спас их отношения. Спасибо.

Упокой, Господи, душу раба Твоего Игоря!

* * *

Я люблю вас, Пушкин,
Но живого, а не мумию, –

это слова Маяковского, которого очень любил Игорь Григо-
рьев и много читал его наизусть. Особенно часто он по-
вторял: «Деточка! Все мы немного лошади. Каждый из
нас немножечко лошадь...».

В любых воспоминаниях трудно обойтись без пристрастия
и ошибок, сочинительства и домыслов по неведению.
А некоторые факты остаются неизвестными до сих пор,
так как о них не всегда знают даже те, которые пишут
воспоминания. Поэтому к чтению юбилейных материа-

лов надо относиться с известной долей здравого смысла
и осторожности.

Игорь Николаевич любил поэта Бориса Корнилова, расстре-
лянного в 30-е годы, особенно его стихотворение «Со-
ловьяха», которое по своей поэтике напоминает густой
душистый украинский борщ. Метафорическая щедрость
поэта сравнима разве со щедростью выразительных
средств эпохи Возрождения:

А земля дышала, грузная от жиру,
и от омута Соминога левей
соловьи сидели молча по ранжиру,
так, что справа – самый старый соловей.
Перед ним вода – зеленая, живая,
мимо заводей несется напролом –
он качается на ветке, прикрывая
соловьяху годовалую крылом.
И трава грозой весеннею измята,
дышит грузная и теплая земля,
голубые ходят в омуте сомята,
пол-аршинными усами шевеля.

Есть такое стихотворение и у Игоря Григорьева, которое я
воспринимаю как вершину его поэзии. Это стихотворе-
ние «Именины». Оно никак не вмещается в рамки любов-
ной лирики, хотя в последних публикациях имеет посвя-
щение Елене Морозкиной – поэтессе и искусствоведу.

Именины

Было поздно или рано:
Лес и озеро затихли
Или, может, не проснулись,
Нежась в ласке голубой.
Ни ветринки, ни тумана,
А и есть они, до них ли?
Мы нашлись, к себе вернулись –
Ты да я, да мы с тобой.

Мы уже говорили, что наш путь – это путь к себе, к образу
Божьему в душе: «Царство Божие внутри нас есть». Это
путь обретения Благодати.
Весь щедрый сказочный Божий мир с его небесным сводом
умещается в душе поэта и играет всеми цветами радуги и
самоцветов, сияет нежностью к любимой – христианской
любовью! Только она и возносит нас к Богу и к себе.

Млечный Путь, костер и месяц
Кличут ласково друг друга,
Разноцветье увяданья
Зажигая и граня.
Тени – игрища кудесниц,
И вода как будто вьюга,
И тропинки как преданья,
И кусты – снопы огня.

Душа поэта в этом празднике жизни и радости очищается,
просвещается, опаяясь огнем истины.

Все-то – песни даровые
Все желанное – возможно,
Все несбывшееся – рядом:
Не солжет вещунья-тишь.
Ты в глуши моей впервые.
Дышит лес. Тебе тревожно.
Ты, как верба листопадом,
Оробело шелестишь...

Душе боязно потерять то новое, что пробуждается в ней
и еще не совсем понято. Но душа чувствует присутствие
в себе Высшей силы и Высшей правды. И она задает во-
просы, еще не осознавая, что спрашивает и о себе – новой
и просветленной:

– Чья душа, изнемогая,
Остается так невинна?
Кто так ясно выражает
Несказанные слова?

И она получает ответ: кончается ночь – время неведения,
кончается время летнего созревания, наступает жатва: –
обретение мудрости:

– Ты не бойся, дорогая,
Это ночи половина,
Это лето провожает
Беспечальная сова.

Сова – птица мудрости, и, хотя по слову Екклесиаста, «*во
многой мудрости много печали*» (Еккл 1:17), другая восточная мудрость гласит, что мудрость выше печали. Заключительная картина – апофеоз жизненной мощи и радости. Кажется, что она брызжет щедрыми соками плодородия, соками жизнелюбия и бессмертия.

Светом сумерки сочатся,
Будто вишня великанья,
До земли прогнулось небо –
От больших и спелых звезд.
Что слова? Не намолчаться –
Не наслушаться молчанья!
**И, как вздох, как ломоть хлеба,
Мир невыразимо прост!**

Последние две строчки (подчеркнуто мною) – это первый вариант финальной строфы из сборника 1977 года «Жажда»¹. И этот финал полностью соответствует нашему прочтению стихотворения.

¹ Другой вариант концовки (1994): «И вокруг не причудь-небыль – / Явь, как тихий хор берез».

И наконец, обратим внимание на название стихотворения – «Именины». Почему именины? Подсказку дает Ник. Вас. Гоголь: «Майский день. Именины сердца!». А в нашем стихотворении – «именины души». Духовное рождение. Поэт находит себя. Происходит самоопределение и самовыражение Души поэта. Поэтому – «Именины».

Как все далеко не просто в этом стихотворении! Его смыслы, запрятанные вглубь строк и образов, могут поставить читателя в тупик. Неудивительно, что даже опытные литературоведы прочитывают его как любовное послание. Но, на наш взгляд, ни одна женщина никогда не вместит в себе всего смыслового изобилия этого маленького шедевра. И первый вариант концовки убеждает нас в этом. Встреча с благодатью Божией, с ее безобманной чистотой и целомудрием, с благодатью, дарованной поэту за его любовь, веру, верность и доверие Богу, становится лейтмотивом поэзии И. Григорьева. Этой встрече посвящено и стихотворение «Свидание» – по сути дела, поэтический двойник стихотворения «Именины»:

Свидание

В такой большой, в такой ночи,
В миг многожданного свиданья,
Вы пойте, пойте, дергачи –
Ни мрака нет, ни увяданья.

Греми, немая благодать,
Ликуй, высокая равнина:
Твоя любовь не знает лгать –
Нагая плоть, как вдох, невинна.

Безгрешны спелые уста
В прикосновенье оробелом.
Мерцай, печальная звезда, –
Всего одна на небе целом.

Очей озер не омрачишь
Своей космической дрожью.
Плещись, гуляй, вещунья-тишь!
Венчай, камыш, зарницу с рожью!

Ни горевания, ни бед
У этой ласки безобманной.
Есть только радость, только свет
Да чистый цвет в росе медвяной.

Таким задуман мир, и таким он открывается нам, если мы,
грешные, не «черним картину гения», если мы живем
с Богом в душе, если мы его послушные дети.

Есть только радость, только свет!

Игорь Григорьев

«Я ИДУ...»

Избранные
стихотворения

Я иду

Я иду через покосы
Прямоком,
Я иду, простоволосый,
Далеко.

А вокруг меня – давнишня
Родня:
Бусы свешивает вишенник
С плетня.

Вдоль дороги шепчут вязы.
Дремлет хмель,
Над колодцем долговязый
Журавель.

Утро искры свои мечет
На пруду,
Ничего, что мне далече,
Я иду...

**Жизнь коротка,
да ум тысячелетен**

+ + +

Шел август, и звёзды своё отмолчали –
Вы знали б, как звёзды поют!
И синяя синь, и сладинка печали,
И ночь, как вселенский приют!

Костер наш горит себе смирно и ровно.
Он дышит и тоже поет!
И кто-то над нами легко и безгромно
Всё новые звезды кует...

И тут мы увидели дивное диво:
На взгорье, в гнезде валуна,
Как длинная искорка, плача счастливо,
Родилась малютка-луна.

Звончайшим молчаньем потемки нагрузли,
И, нежно стенья, издали
На омут, как будто на чёрные гусли,
Искристые струны легли.

И зов! Уж не сам ли Садко подплывает?
Кому ж еще так-то сыграть?
И если на свете чудес не бывает,
То как же такое назвать?

Звездинка за звёздочкой прячутся звезды,
Ныряют вздремнуть – подпевать.
Все явственней зыбкая росная роздымь,
Все ласковей: к вёдру опять!

Под звёздами

Василию Белову

Да сколько ж их в морозной роздыми.
И как же скоро зацвели!
Заполыхали врозь и гроздьями,
Над головой и у земли.

И все тихохонько качаются,
Роняя долу жёлтый хруст,
Захолоделых губ касаются,
Чуть горьковатые на вкус.

Они поют, и сказки сказывают,
И, не спрося, в полон берут.
Зовут, зовут, и путь указывают,
И зачинаются, и мрут.

Вдруг замелькает странно-новая,
Вот вещая оборвалась...
Притихла гладь семиветровая,
Дивясь на инееву вязь.

А луг повит снежком, как росами,
А темь по-летнему густа.
И, может, в этой щедрой россыпи
Зажжётся и твоя звезда!

Православие — исток русской души

Вербная ночь

Тишь-тепльнь усердная —
Снеготай.

Суботея вербная —
Скоро май.

Выси разгорожены —
До звезды.

Тропки и дорожины —
Без узды.

Никого не спрашивают,
Где гулять.
Думки прихорашиваются
В благодать.

Рощица-березица
Ждёт. Молчок.

И в воде от месяца —
Большачок.

+ + +

Немы и пусты́
Знобкие поляны.
Голые кусты
Зыбки и туманны.

Над плакун-травой,
Над водой и мхами —
В синьке ветровой
Звёзды ворохами.

Полночь без луны,
Путь мой без дороги.
И ничьей вины,
Никакой тревоги.

Вечер

В полумраке синелапом
Гаснет день у рыжих прясел.
Тихий вечер красным крапом
Серы облака окрасил.

Завлекательней гармоник,
В дымной дрёме чернотала
Голос пробует шелоник —
Сизогубый запевала.

Голубеюща прохлада –
Словно сбывшаяся небыль...
Ничего душе не надо,
Кроме родины и неба!

За паводком

Набег обернулся побегом:
Апрель разметал холода.
Трава не погасла под снегом,
Сугробы спалила вода.

В чащобах зажглась медуница,
И свѣтла тоска журавлей.
И каждая лужа – криница
В ладонях полян и полей.

И гром возвратился ретиво
И так раскатился легко,
И день – разлитое диво.
Но Вьюга моя далеко!

Вьюга

Разойдётся – прикончить могла бы,
А уймётся – нежней незабудки,
Своенравная русская баба,
Веселунья, с которой – не шутки.

Выше леса колени взлетели,
Заметался подол сарафана...
Полюбилось мне буйство метели
Крепко-накрепко, может, и рано.

Рано, нет ли – печалиться поздно:
Ни гордыни в душе, ни корысти.
И за тучами – высь не беззвѣдна,
И молитва – в разбойничьем свисте.

Не обделят, ничуть не обманут
Налитые огнём её губы.
Все сомненья надеждами станут.
Станут снега послушны и любы.

Вьюга скроет ухабы и взлобки –
Всѣ привычное переиначит.
Сдавши спину ей, зябкий и робкий
Не слезами – ледышками всплачет.

Ну а я, зимогоров потомок,
Заслоняться от лады не волен:
С первых зорь до последних потѣмок
Гореваньями вьюжными болен.

Заунывные песни тревоги,
Хоть в трубе, хоть на целой планете,
На тропинке любой и дороге –
Всѣ о свете, о цвете – о лете.

+ + +

Чем, берёзки, вы лето обидели?
Перемены в беспечном лесу!
Стало вкрадчиво в буйной обители!
Поднебесные выси – внизу!

Зашаманит крут-сиверко к вечеру:
«Красно лето сгорело вчера!
Осень рядом! Смеяться здесь нечему!
Краски осени – лишь мишура!»

Пресным холодом густо пропитанный,
Лес, как праздник отгулянный, пуст.
Над болотиной кустик ракитовый
Лист роняет, как жалобу с уст.

Небо тучи сушить поразвесило:
То их выжмет, заплакав, то вдруг
Рассмеётся по-летнему весело.
Кинув пригоршню солнышка в луг.

И земля, на Покров овдовевшая,
Вновь затеплится от желтизны.
И смешается радость несмелая
С гулкой грустью озябшей желны.

Вроде, большего нет и не надобно:
Весь ты счастьем дышать занемог.

Но в распахнутом горле негаданно
Ворохнётся солёный комок.

Зажалеешь, сольёшься с окраиной,
А чего тебе жалко, Бог весть.
И у ног огонёк неприкаянный –
Колоколец – не может отцвесть.

+ + +

Хорошо с умытым полем
На заре перекликаться –
Песней росной, сердцем полным
От унынья отречься.

Самого себя к награде
Представлять, ядрёна лапоть, –
Просто так, души заради,
Безрублёво петь и плакать!

Лирика

Утекают звонко
В бурые глубины –
Сизая сосёнка,
Рудые рябины...

В жаркие золóта
Схвачена округа.

И душа болота –
Будто сердце друга.

Сиротливый кустик
С юркою синицей
И грехи отпустит,
И воздаст сторицей;

Топору навстречу,
По-людски робея,
Встанет: не перечу!
Но зачем тебе я?..

Час речей победных
Канул. Лес – без шапки.
Вздохи листьев бедных
Тоненьки и зябки.

Настежь захолустье –
Вскрыты кладенницы.
Над стеклянным устьем
От тиши звенится.

И перед разлукой,
Горестной и длинной,
Бьётся над излукой
Причет журавлиный.

И совсем беспечно,
Не жалея дома,

Смúтна, сине-млечна,
Шамкает истома:

«Выстынь: станешь другом
Вкрадчивым дремотам!..»
Взбодрен и напуган:
Что – за поворотом?

+ + +

Сухое поле алчно воду пьёт,
А ливень то отхлынет, то припустит.
И – хоть гроза – душа моя поёт:
Мне, грешному бродяге, не до грусти.

И свята заурядная вода:
Самой небесной влагой совесть мою.
Иду и всё! Не всё ль равно, куда:
Везде – земля и небо надо мною.

Август

Озаренье. Смиренье. Прощение.
Сожаленье о мае легко.
Далеконько-далёко цветение,
И снега далеко-далеко.

Кроме бед, что судьба наморочила,
Кроме ран незажившей войны –

Доброты и добра средоточие:
Ни суда никому, ни вины.

Расстоялась погода, разведрилась –
День по чистому счёту хорош:
Даже самая малая ветренность
Не качнёт отягчённую рожь.

Даже белая тучка отчалила
С окоёма в иную страну.
Даже зряшная горесть-печалина
Не нарушит в душе тишину.

Не нарушит: сомненье порушено –
Как волна над зеркальным прудом.
И под небом земля – не отдушина:
От хором до хоромины¹ – дом.

+ + +

Покойны жёлтые озёра,
Спокойны синие пески:
Они как старость без укора,
Они как юность без тоски.

Над ними плакала и пела
И старина, и новизна!
А им до века мало дела –
Всё та же синь да желтизна.

¹Х о р о м и н а – домовина, гроб (*псковск.*).

Хоть друг, хоть недруг хлопни дверью –
Ни радостно, ни горевно...
А я не верю, я не верю,
Что всё на свете всё равно.

+ + +

Поклон, поклон, ржаное поле,
Прозрачный брод, косой стожок!
Мне жар земли безверье сжёт –
Ни зла, ни зависти, ни боли.

Здорóво, ласковые звери –
Ежи, сороки и ерши!
Ей-Богу, с вами хоть пляши:
Душа добру открыла двери.

Привет вам, грозовые тучи
И дымчатая голубень!
Спасибо, беспечальный день,
За всё, что завтра неминуче.

В Михайловском

Конёк всё бежит неторопко,
От зноя мигают поля!
Знакомая сызмальства тропка,
Притихшая мать-земля.

За тёмным окошком, взлетая,
Божась, задыхаясь от слёз,
Ждёт часа душа золотая –
Россия – предвестница гроз!

На Синичьей горе

Семёну Гейченко

Стихи стихают. Погасают дали.
С Россией распрощались журавли –
Откалялись, отпели, отрыдали.
И небу нету дела до земли.

Заваривает снежное причастье
Монах-ноябрь костлявою рукой.
Печаль и пепел. Хладное бесстрастье.
Бескровный день. Кладбищенский покой.

И не избежь зальделым клёнам дрожи,
И не избыть распятие кресту,
И сумерки на вашу жизнь похожи,
И долог путь к запретному Христу.

Но это только миг, лишь промельк смутный,
Встревоженной души невольный вздох:
В глубинах нашей веры бесприютной
Неугасимы ни Поэт, ни Бог.

Цветут Святые Горы вокруг Синичьей,
Как жёлтые венки вокруг венца.
И всех, сюда взошедших, без различий
Сам ветер причащает из корца.

«Долог пупь к запретному Христу»

Вечернее

Я иду. Один. Рядом с вечером.
Вечер – сам по себе, я – не сам.
На приглашенном, на расsvеченном
На лугу – широко глазам.

И пронзительность, и улыбчивость,
И тревога прижилась в них.
И поёживается отзывчивость,
Утекая из сердца в стих.

Росы в ноги со всхлипом ластятся –
Слёзы ночи во сладость дня.
Дивы давние гулко бластятся,
Привораживая меня.

И подстёгивая, и пугаючи,
И веля: иди! – и держа.

И гульбит, грустя припеваючи,
Забурьяненная межа.

Воля, каторга ль – всё тут кровное,
Крест нещаден и свят – ты сын...
И – с самим собой – в поле ровное
Выхожу: один на один!

У причала

Старый отче, тёплый берег,
В пору трудную
Не заждался? Не отверил
Сыну блудному?

Хоть не ранницей – под вечер,
Вот... причаливаю.
Не взыщи, хвалиться нечем
Обпечаленному.

Коль признаться между нами –
Не прославился,
А геройством и чинами
Отзававился.

Не серчаешь? Вот и ладно.
Почеломкаемся!
Дай обнять тебя, прохлада,
Радость ломкая!

Что молчишь, сестра-беляна –
Берези́ночка?

Накрывай на стол, поляна,
Как же и́наче?

Синь бездонную псковску́ю
Всю не выплакала?
В светлом сумраке тоскуя,
Песню вы́кликала...

Сеет месяц сизый пламень –
Блеск и сажига.
Мягко-мягко, плавно-плавно
Осень вяжется.

В грудь непрошено стучится
Грусть длиннющая.
Чу! Волчат зовёт волчица
В чуткой пуще.

Выдра плещется, русалка ль
Одинокая?
Щука – в заводи, как палка,
Тигробокая.

Под волнами, под веками –
В дрёмной прозелени
Спит горюн Вороний камень
В Тёплом озере.

Свет-князя и чернь-мужланы
Смолкли, выпеснились.
Отболели злые раны,
Слёзы выпреснились.

Тихий берег в туманной дымке,
Лежень ласковый,
Распечаль, размыкай думки
Складкой-сказкою;

Ставшей сказкой, вещей былью –
Доли мерою.
Я, рождённый русской болью,
В раны верую.

Удел

В семнадцатый июнь – в моём запеве лета –
С ума сошла жарынь, рехнулась белоночь.
Я плакал, правя меч, кляня удел поэта,
Но небо и земля горели: «Слёзы прочь!»

А я, как мой Пророк, мечту лелеял тоже:
И ворога любить, и милость к падшим звать.
Но... меч в моей руке! Помилуй, правый Боже:
Любовью надо жить и, значит, убивать?

Звенел калёный зной, как в цель попавший выстрел,
Дымилась, чуя смерть, бескокая трава;

До дна клонило в сон. Да ночь короче искры.
И жаждали испить душа и дерева...

А может, грех роптать? Мой стон не без ответа,
И с пролитой крови у жизни спросу нет –
Сбылось: пришли дожди, когда сгорело лето,
И стала длинной ночь, когда покой отпет.

День рожденья

Загороженный ворогом путь,
Вдоль шоссейки – звериный чапыжник.
Стонет хрипло дорожный булыжник,
Пряча мины в разверстую грудь.

Тяжко дышим мы, глухо и зло,
Ковыряя корягой камня.
Окаянная служба отмщенья:
Диверсант-подрывник – ремесло.

Время тёмное – полночь близка.
Завтра день мой: лишь птицы аукнут –
Стукнет двадцать мне, если не стукнут.
Защити нас, туманец леска!

Где-то матери наши сейчас?
Я-то знаю: им нету покоя.
Пусть помолятся, дело такое, –
За себя, за Россию, за нас.

Дай им Бог! А над Плюсским шоссе –
Три часа – пригасают стожары,
Будят утро немецкие фары,
Дым и пламя, и грохот в росе!

Гоша лыбится: – Огненный пир:
Догорают ошмётки машины,
Догулялись четыре вражины.
С днем рожденья тебя, командир!

Пробужденье

На свадьбах тешились давно ль
Налимы здесь да волки.
Уже крещенская юдоль –
Погода, кривотолки.

Февраль отголосил и стих.
Март накопытил рытвин.
Сугроб течёт, как белый стих,
Дыша прозрачным ритмом.

Невразумительны слова,
И образы тревожны,
Но точны, точно дважды два,
Как завтра – непреложны.

Прощай, метельная праща!
Чуть жив от зимней неги,

Искря, стена и трепеща,
Сосёт ручьишко снега.

Сыну

Ненастье обескровило зарю:
Всё – сутемь. Ни полночи, ни полдня.
Погоду не закажешь ноябрю –
Бери, какая есть, о вьюгах помня.

Бери и не вздыхай. И с тем иди.
Иди, да знай: далёко до ночлега,
И, может, только день всего до снега.
И вздохи – груз увесистый в пути.

Пустые страсти ветром отряхай,
Себя и версты мерь пройденной мерой.
Тревожься, негодуй, но не вздыхай.
Иди себе и, что дойдешь, уверуй.

Пусть вьюгам – вьюжье: снежная страда,
Хмельные вопли, холода шальные, –
Они ведь до поры: они больные.
Ведь вьюги что? – весенняя вода.

+ + +

Заревою былью
Светится простор:

– Потягаться с хвилью
Выйди на бугор.

Не чужбинник-странник,
Рвущийся в юга,
Ты – Руси избранник:
Что тебе вьюга!

Рьяны вихрей хоры,
Загляни сюда,
Благо все и сборы –
Раз-два и айда!

Да и недалече
Песенный разгул...
Круто выгнул плечи,
Голову угнул.

Жарко хороводит
Снежная крутель,
В рученьки заводит
Лапушка-метель:

– Дочь я царь-тумана!
Мой ты навсегда!..
– Мне жениться рано,
Да и ты седа.

Вечная девица,
Сбавь крутую прыть:

Мне ещё крутиться,
А тебе крутить!

На дороге

Бреду невольно или вольно,
В пути упарился ль, продрог,
Но мне довольно, мне довольно
Своих скорбей – чужих тревог

И этой низменности серой,
И этих безучастных вёрст...
С какой тоской, с какою верой
Глядит в глаза мои погост!

Пугает, мает, закликает
Не преисподней за чертой –
О грешных днях напоминает,
О жизни брэнной и пустой.

В каком соблазне исступлённом
Гульбит священная земля!
И пляшут в празднестве зелёном
Её нетрезвые поля!

Хрипят леса, озёра страждут,
Ревут сверхвольтные столбы...
И новь со старью в споре страшном –
Два детища одной судьбы.

Феномен века – побируха,
Такая ж странница, как я,
Пророчит, праведно и глухо,
На перепутье бытия:

– Твоя далёкая дорога
Горька, да горе дарово.
Как боязно не верить в Бога!
Как страшно веровать в Него!

Я и сама не шибко верю –
Видать, прогневался Господь:
Курю и пью, дорогу мерю,
Скрываю злость, лелею плоть.

Продленья дней не молишь – ловишь,
Сама себе – бедой-беда.

А ты!
Не пьёшь?
Не прекословишь?
Не копишь зла?
– Да как когда...

– Хоть грех, да жисть – не хата с краю:
Себя никто не превозмог...
Ну, прощевай. Благословляю.
Пойдёшь – дойдёшь. Спаси тя Бог!

Сергею Есенину

Это очень много –
Даль да тишина,
Чистая дорога –
Наша сторона.

И пути иного
Мне не выбирать.
Мирно и лилово
Светит сосен рать.

На полях безгрешных
Синь да снегири,
В буераках снежных
Полымя зари.

Хорошо, и ново,
И светло до слёз.
Что ни куст – обнова,
Что ни день – мороз.

Нет милей подарка
Сердцу и уму.
И грустится жарко
В сизую зиму.

Я, до дна весенний,
Полюбил печаль:

Что я не Есенин,
Мне до боли жаль.

Смотрят ели строго,
Ласку затая...
Мир тебе,
Дорога, –
Родина моя!

Блудный сын

Россия

Неволя, недоля, чужбина –
Ни слова, ни зги, ни следа.
Да русская ль это ложбина?
Да жива ли в речке вода?

Крадусь неприкаянным вором
Чужою родной стороной.
Стеной – чернота перед взором,
Кромешная тьма за спиной.

«Куда ты? Куда ты? Куда ты? –
Колотится жуть на виске. –
Тебе только горести рады
В немом подневольном леске.

Не волен размыкать неволю!
Недоля, хоть криком кричи!..»
Но – мёрзлому дышится полю,
И падают звёзды в ночи.

Зима 1993-го

Заплакали берёзы:
– Зима нас подвела,
Крещенские морозы –
Три градуса тепла.

Заледенело сердце:
В ретивом перебой –
Любовью не согреться.
– Россия, что с тобой?

+ + +

Двадцатый век с десятым веком
Живут бок о бок, не тужа:
Моторный смех над Чудским берегом,
Глуши косматая душа.

Что ни распутье, то распястье,
Что ни распястье, то прогресс.
Благословенье и проклятье,
Как близнецы, похожи здесь.

Холмы, низины, буераки,
Дорога – чёрт её завил,
Столбы – извечные бродяги,
Антенны ввысь, как зубья вил.

Их музыка слышнее хлеба,
Их копий стари не унять.
Грозят Земле? Свергают Небо?
Кому же знать! Кому же знать.

С посохом

Я чегой-то сник в печали,
Призавянул, приугас:
На возлюбленные дали
Сколько дней не пялю глаз.

Сколько ночек-звездападок
Не скитаюсь по земле.
А ведь я ли был не падок
Жечь костры в кромешной мгле.

А ведь я ли, вспомяните,
Был до зорек не охоч:
Не жалея сна и прыти,
Бёг за утром через ночь.

Был на «ты» с дремучим лесом,
С крутовьюжьем и грозой.
Вдруг, спознавшись с модным стрессом,
Стал, ей-Богу, сам не свой.

Только плакаться не буду –
Прозябать за здорово:

Возвернусь к родному чуду,
К сладкой горести его.

Будь хоть что, не будет хуже:
Посох в руки – и айда!
В колеях мутнеют лужи.
Здравствуй, подушка-вода!

Лист помре – скосила осень
Ноябриною косой,
Лысый луг травы не просит:
Усыпление и покой.

Небо немо и широко,
Ветру зябкости не жаль...
Приюти меня, дорога,
Вразуми, зараспечаль!

Возвращение на круги своя

1.

Не думай, что я обездолен,
Что сбился с веселья давно:
Поскольку я лирикой болен,
Мне сердце беречь не дано.

Июнь отсвистел сладкогласно,
Июль отгремел, отсиял,

И поле на жатву согласно,
И красен закат, а не ал.

Туман и печалинка – с пожен,
Белёсые росы, как лед.
Еще окоем не тревожен,
Но лето уже устает.

2.

Берёзы, дымя, побурели.
Споткнулись о ржавую медь.
Кого они только ни грели!
И стало им нечем гореть!

Ни песен, ни жар-полушалка –
Лишь осени стылое дно,
И стало им лета не жалко,
И стало им всё – всё равно!

Зияют в чащобах напасти.
Дрожат, ознобя, пустыри,..
Не рвись, моё сердце, на части –
С разлукой меня не мири!

3.

Нечаянно вдруг загрустится.
Нечаянно ль? Что вопрошать?

За вьюгой – любимые лица,
И некого к сердцу прижать!

Минувшее, давнее-давно,
Некстати начнешь ворошить:
В былом не отраднo – отравно!
И полночь! И чем дорожить?

Ни света, ни слова, ни друга –
Лишь вопли да темень вокруг.
Сестра милосердная Вьюга,
Прости мне, дай руку, мой друг!

4.

Набег обернулся побегом:
Апрель разметал холода.
Трава не погасла под снегом,
Сугробы спалила вода.

В чащобах зажглась медуница,
И светла тоска журавлей,
И каждая лужа – криница
В ладонях, полян и полей!

И гром возвратился ретиво –
И так распалился легко!
И день – разлитое диво!
Но Вьюга моя – далеко...

+ + +

В ожидании Красного дня

В селе петушья куролесица,
Морозный дым над ним повис.
Надкушенный покровок месяца
Скупые крошки сеет вниз.

Как вздох – калитки оробелые,
Как трепет птахи в кулаке.
Берёзам снятся ночи белые
Да пенье вёсел на реке.

Берёзам долго, горько страждая,
До лета время коротать...
А Русь везде, у пня у каждого, –
И злая мачеха, и мать.

+ + +

В который раз одно и то ж,
В который?
Белёсая волнится рожь
По косограм?

Родимый край! В который раз
Июля россыпь?
Сто лет назад, вчера, сейчас –
На зорях росы?

Все тот же галочий галдеж
Над придорожьем...
Так почему же не найдешь
Земли дороже?

Так почему же холодны
Края чужие?
А здесь – седые валуны –
И те родные?

И каждый камень и плетень
Любим до боли?
...Все те же песни. Тот же день.
Все то же поле...

+ + +

До чего же тихо: ни смешка, ни песен.
И куда ни глянешь – бурелом да плесень.

Сухостой никчемный, полумрак лиловый,
Мрачное раздумье... А о чем? – Ни слова!

Тощие опенки, скрюченные сучья,
И куда ни ткнешься – невода паучьи.

Ни копейки солнца! Пологом мохнатым
От тепла и света бурый верх залатан.

Всюду мох да губки под густым навесом,
Нелюдимый филин в логове кудесит.

Хоть бы капля солнца, хоть бы полцветочка!
Может, по-иному спелись те же строчки...

+ + +

В облетевшей желтизне
Ветер озорует.
Кто-то тужит обо мне,
Да не разберу я.

В чаще теплятся глаза
Кроткой незабудкой.
Оборотишься назад –
Поневоле жутко!

То ли слезы, то ли дождь
С лап лиловых льется?
Дрожь в осинах, в теле дрожь:
Как тут не взгрустнется?

+ + +

Спит земля, огромна и печальна.
Звезды... Бесприютно... Беспричально.

Проложила ночь сквозь черный омут
Млечный Путь, а не дорогу к дому.

Тишину и тьму на перекрестке
Ветер стережет, сырой и хлесткий.

Только филин плачет и хохочет,
Будто гулко бьется сердце ночи...

Только ропщет жухлая осока...
...От звезды погреться – да высоко!

+ + +

До чего же невеселая картина:
Глухо чавкает расквашенная глина,

Кажут ребра отошальные ракиты,
И не небо, а всего большое сито.

Только стужа... День погожий и не снится:
Прослезило – негде глазу приютиться.

Плотный сумрак наплывает тихомолком.
По округе рыщет ветер серым волком.

Над канавой – ни листочка, только прутья.
Будто в сказке – воронье на перепутье...

Где ж то золото, что в сказках пламенеет?
Где ж то солнце, что зимой и летом греет?

Вместо золота – пожухлая рогожа...
А пойдешь найди роднее и дороже!

+ + +

Горемаятная родина,
Горемаятные мы:
На пустых холмах – болотина,
На болотине – холмы.

Или вера сгила начисто?
Или верится до дна?..
Даже пляшется, как плачется:
Плач – под пляску, мать родна!

Да когда же нам наплачется
Во пиру судьбы-тюрьмы?
Неужели не отважиться,
Встав, напомнить: кто есть мы!

+ + +

Не шелóхнется, не встрепенётся
Отгулявший своё полынок.
Никого – ни синицы, ни солнца,
Только тлен торжествует у ног:
«Ясноглазые угли ослепли,
Отроняли горячую дрожь:
Ни огнинки в заиненном пепле,
Не надейся, костра не зажжёшь.

Не задышат холодные травы,
Отлюбили, отверили в май.
Журавли покорённые правы:
Допивай, допевай, улетай.

Поаукает память скорбяще
И ударится грудью о лёд:
Слышишь, в пленной безропотной чаще
Стужа синие песни поёт?

Видишь, в скошенном, в скованном поле
Сумрак тёмные точит ножи?
И уже ни заботы, ни боли
Горицвету у чёрной межи...»

Лес распахнутый, лист отзвеневший,
Птицы смолкшие – сердцу родня,
Я люблю этот мир замеревший,
Ожидающий красного дня!

Блудный сын

Была бесприютна погода –
Покров мокроснежил и дрог.
Так случилось уж: трудных три года
Я тут не ступал на порог.

Печального образа рыцарь,
Каких только чуд не чудил.

В погоне за стервой жар-птицей
Ни песен, ни крыл не щадил.

По разным чужбинам шатался –
Скобарь, шантрапе ль побратим?
Измучился. Родине сдался.
И, пленный навек, победил.

Пред этим обиженным домом
Я плачу. Я снова рождён.
И пахнет знакомым-знакомым:
Позёмом да вешним дождём.

Веретёнька

Есть на Порховщине
Речка Веретёнька.
Зяблик на лещине
Там звенел и тенькал.

Крохотная пташка:
Перышки да кости,
Алая рубашка,
С прозеленью хвостик;

На ночь угнездится
Под листком ореха,
В горсти уместится,
А душе – утеха.

Так и Веретенька,
Светлая водица:
Узка, коротенька,
А не надивиться.

Заросла кугою
От ключа до края,
Выгнулась дугою,
Тихая такая!..

Много рек я знаю,
Помню все походы:
Плавал по Дунаю,
Видел Вислы воды,

Объ меня вздымала,
Приручала Волга,
На Неве, бывало,
Размышлял подолгу.

Но лишь эта речка,
В сажень шириною,
Стала мне навечно –
Матерью родною.

+ + +

Утомилась гулкая округа,
Густой и долгий догорел закат,

И косаря со скошенного луга
Неторопливо но домам спешат.

Прозрачный сумрак, ласковый и влажный,
Окутывает землю не спеша.
И кто-то вдалеке запел протяжно,
И песне той отозвалась душа.

Отозвалась, раскрылась, всколыхнулась –
И самому не угадать себя:
Как будто снова молодость вернулась
И в грудь вошла, тоскуя и любя.

И хорошо, и грустно поневоле
Становится в полуночной тиши.
И, кажется, немое шепчет поле:
Дыши, люби, надейся – и спеши!

Ноябрь

Как сиро и как стыло на земле,
Как немо и неласково в природе:
И мокрый снег – седого пепла вроде,
И день, и ночь, и даль светла – во мгле.
Как сиро и как стыло на земле.

Большой изъян сквозит в моих краях:
Пугливые молоденькие ивки,
И эхо, и ручьи, и зорь обрывки

Устали помышлять о соловьях.
Большой изъян сквозит в моих краях.

Предзимью сожаленье не дано:
Оно сечёт и жжёт поля нагие.
Разлука, сутемь, горечь – летаргия,
Просторы – как закрытое окно.
Предзимью сожаленье не дано.

Но ты иную песню заведи:
Что толку от рыдалистой отходной –
Холодной, непогодной, безысходной,
Которую заладили дожди.
А ты иную песню заведи.

В самом себе ненастье укротив,
Сноп вешних слов спали в костре напева –
Жги, не жалей их: словеса – не древа,
Они воспрянут, песню осветив.
Сжигай слова, чтоб не остыл мотив!

Погост Жа́боры

Жа́боры как жабры без воды –
Жаборы, где Русь меня крестила!
Ямы, рвы – нашествия следы.
Мать-земля, чего ты нам простила?

В речке Узе – сладости полей –
От сухмень-печали недороды:
Ни прозрачных струй, ни голавлей.
В чьи моря сбежали наши воды?

Скручен стрежень. С доньшка песок
Нагишом: тростиночки не светит.
Источил плотину чей брусок?
Резвы рыбы в чьи попали сети?

Памяти усопшие места.
Детям деловым не до погоста.
Бедная церковка. Два креста.
Неужель на свете всё так просто?

Здесь мой дед и бабка – кровь-родня,
А не здесь, так – там: твоя и наша,
Скорбно ждут меня.
Иль кого сия минует чаша?..

Не людская – тустороння тишь.
И не знамо, хорошо ли, худо,
Что грехи нам прощены... покуда.
Ну а завтра? Вдруг да не простишь?

+ + +

Зори да вёрсты.
Колотье в пояснице.

Ветер шуршит берестой –
Нечему подивиться.

Выбоины, безлюдье.
Мокрых ворон орава,
Давность крестов-распутий,
Дума: вперед ли, вправо?

Вздулись на лбу прожилки,
Высинил холод кожу...
Муромец на развилке
Думал когда-то то же!

Песни о вечевом колоколе

И колокольчик, дар Валдая,
Звенит уныло под дугой.

Ф. Глинка

1. Набатная

Псковичей
Сшибая с печей,
Швыряя с перин,
Сгребая с дерюг,
Как с яблонь яблоки –
Ветр,
Как сиверко –
Палый лист,

Ополночь
Звон взревел,
Что тьма сентября,
Тягуч,
Что дьякон соборный,
Басист.

Как вздох
Разверзнутых недр,
Бил,
Ликовал,
Хлестал
Грозный
Бронзовый град,
Добела раскаляя дух:
Бам! Бом-м! У-ух!..
Сполох! Набат!

Пскове-град,
Детинец, посад,
Мужичонка с косой,
Купчина с кисой,
Стар и млад –
Рад не рад –
Всё на кон:
Кров,
Кровь,

Жён,
Невест,
Нательный крест,
Живот!

Кто-то падал ниц:
«Свят, свят, свят!
Чур меня, чур!
Ахти мне, ох!..» –
«Эй ты, ярыга, цыц!
Вытри возгривый нос!
У стен супостат –
Лютый ливонский пес!..»
Сполох!
Споло-ох!

У стен стон,
Звон
Со всех сторон.
Клочьями чад:
Котлы со смолой кипят –
Кромешный ад!
И над ночью –
Набат...
Набат.
Набат...

2. Прощальная

Псковичи

Прощались с вольницей,

Причитали,

Земно кланяясь:

«Ты прости,

Разгульный наш отец,

Вечевой любезный колокол!

Ты служил нам

Верой-правдою,

Подымаючи на бой

за Русь.

Супостат едва объявится –

Подавал ты

Свой призывный глас!

Мы ходили в сечи жаркие,

Буйной крови

Не жалеючи,

Помнят вдовы горемычные,

Знают сироты бездомные,

Сколько жальников¹ насыпано,

Вкруг и около горюнится!

Не забудут

Злыдни-вороги,

¹ Жальник – могила русского воина.

До чужой земли охочие,

Чем встречали их

Под твой набат,

Как отвадили на Русь

ходить!..

Нынче время изменилося:

Наказал-велел

Надёжа-царь

Снять тебя и отвезти к нему.

Ты прости,

Родимый батюшка!»

3. Печальная

Показалось солнце

Из-за Снетной горы,

Растолкало

Вздремнувший галочий хор,

Обмакнуло в Зрачку-реку

Красный ус,

Накидало в быстрину

мошкары,

Покликало

Семифунтовых голавлей:

«Гуляй – не желей!»

И заплескал на плёсе

Пир-жор!

Застучали дятлами
Остры топоры,
Заходили
И вкривь и вкось,
Кромсая
Морёный дубовый брус,
Звонкий, как булат,
Крепкий, словно кость,
Неподатливый секирам.
Как вражеским силам –
Русь.

С башни сыпалось эхо,
Голосило вдовой.
Прошибал рубак солёный пот.

Басовитый,
Грозный,
Колокол вечевой
В полдень лежал
В яме
На площади городской
Без ушей,
Без языка –
Немой.

Но до соболиных потёмок
За быстрянкой Псковой

Не расходился
Посадский народ...

4. Разлучная

Когда на небе
Зари огонь,
Затопленный ночью,
Угас,
Повезли его
О двенадцать конь
Стольной Москве напоказ.

Проезжали деревни,
Поля,
Города,
Старорусскую непролазь.
Донимала пыль,
Допекали овода,
Чавкала извечная грязь

Под Валдаем
Стали распрягать:
Животина умаялась вконец.
«Кто там? Не тати?..»
Глядь-поглядь:
Скачет
Московский гонец!

Подъехал.
На поклажу глаза скосил.
– Грамота людям

псковским:

«Повелел
Великий князь Руси
Колокол оный
Сломать в куски!»

Взялись за кувалды:
«Сломать – так сломать,
Благо, силы не занимать!..»

5. Кузнечная

Валяться бы бронзе
В пыли,
Таить бы
Звонкие звуки,
Когда бы не ковали,
Не их золотые руки.

Собрали заветный лом
Да в кузне взялись за дело –
И бронза под их молотком
Оживала,

Звенела,
Пела...

«Ворон не считайте, эй! –
Басил
Сиволапый дядя. –
Не мешкай, ребяташки,
Бей:
Работка не выгоды ради!
Работаем ради Руси,
Не ради полушек да гривен...
Простынет!
Живей подноси!» –
«А звон-то, и вправду, дивен!» –

«Ой, ладен, честная мать:
И ласков,
И грустен,
И грозен!..» –
«Какой там:
Не так опять!»
И – хватъ колокольчик оземь!

«Да что ты, чудака человек:
Ведь так задушевно звучал он!» –
«Неровен час, ладим навек.
Давай
Нагревай сначала!..»

6. Величальная

Валдайскую сонь
Беспокою,
С тех пор
Колоколец гудит,
И слышится сердцу
Такое,
Что словом не скажешь, поди,
И ты замолчишь,
Обновлённый,
На целую жизнь удивлённый.

Зальётся,
По-русски бескраен,
Душа переполнена вся:
Заходит,
Как в хату хозяин,
И кровь горячит,
Не спрося.
В нем ласка,
Любовь
И тревога,
Дорога... дорога... дорога...

Бывалые были и сказки,
Припевки весёлой Псковы,

Мечей

Забубённые ласки
И плач безутешной вдовы,
Тягучие вопли набата –
Великого старшего брата.

В прах – горы...
А хрупкое тельце
Века не смогли сокрушить.
Нетленна
Истлевших умельцев
Частица певуны-души!

Владиславу Шошину

Песней с прозой не наспоришь,
Не налиришь нежность зыку.
Без тебя, мой светлый кореш,
Что б я пел? Под чью музыку?

Может, спетый и охрипший,
До скончания дороги
Переводов бедным рикшей
Волочил бы еле ноги;

На заезженной шоссейке –
В «обещающих» поэтах –
Бодро стряпал бы затейки
О безоблачных рассветах;

Или песенкины тексты
Поставлял бы для подмостков;
Али складывал бы тесты
Для рифмующих подростков...

Мой радетель, мил-товарищ,
В дни замалчиванья песни
Голубой мечтой расхмаришь:
– От сомнения воскресни! –
Укоришь, незло и умно:
– Промолчи в подвох молчанья,
Не услышь хваленья шумна –
Жди земного величанья.

Не убавить, не умерить
Черногроз и краснозорьев...
Да тебе ль стихам не верить
В храме лирики, Григорьев!

Тесной ночью ль, вольным полднем,
В час глухой ли злополучный –
Отзывайся вздохом полным
На удел души беззвучный;

Не пеняй на небылицы,
На загадки без отгадки:
С Русской Музой породниться
Можно только без оглядки.

Поэты

Сергею Поликарпову

Мы воли и огня поводыри
С тревожными раскрытыми сердцами,
Всего лишь дети, ставшие отцами,
Всё ждущие – который век! – зари.

Сердца грозят глухонемой ночи,
За каждый лучик жизни в них – тревога,
И кровью запекаются до срока,
Как воинов подъятые мечи.

Взлелеявшие песню, не рабы –
Единственная из наград награда!
Нам надо всё и ничего не надо.
И так всегда. И нет иной судьбы.

Нас не унять ни дыбой, ни рублем,
Ни славой, ни цикуты царской чашей:
Курс – на зарю!
А смерть – бессмертье наше.
И не Поэт, кто покривит рулем.

Именины

Было поздно или рано:
Лес и озеро затихли,

Или, может, не проснулись,
Нежась в ласке голубой.
Ни ветринки, ни тумана,
А и есть они, до них ли?
Мы нашлись, домой вернулись –
Ты да я, да мы с тобой.

Млечный Путь, костер и месяц
Не темнят ничуть друг друга,
Чудодействие увяданья
Зажигая и граня.
В гранях – цветень перелесиц,
И вода, как будто вьюга,
И тропинки, как преданья,
И кусты – снопы огня.

Всё-то – песни даровые,
Всё желанное – возможно,
Всёнесбывшееся – рядом –
Не солжет вещунья-тишь.
Ты в глуши моей впервые.
Дышит лес. Тебе тревожно.
Ты, как верба листопадом,
Оробело шелестишь:

– Чья душа, изнемогая,
Остается так невинна?

Кто так ясно выражает
Несказанные слова?
– Ты не бойся, дорогая,
Это ночи половина,
Это лето провожает
Беспечальная сова.

Светом сумерки сочатся,
Будто вишня великанья,
До земли прогнулось небо –
От больших и спелых звёзд.
Что слова? Не намолчатся,
Не наслушаться молчанья.
И как вздох, как ломоть хлеба,
Мир невыразимо прост.

Свидание

В такой большой, в такой ночи,
В миг долгожданного свиданья,
Вы пойте, пойте, дергачи, –
Что мрака нет и увяданья.

Греми, немая благодать!
Ликуй, высокая равнина!
Твоя любовь не может лгать:
Нагая плоть, как вздох, невинна.

Безгрешны спелые уста
В прикосновенье оробелом.
Мерцай, печальная звезда,
Всего одна на небе целом...

Ни горевания, ни бед
У этой ласки безобманной.
Есть только радость, только свет
Да чистый цвет в росе медвяной.

«Любимая любимой остаетяся»

Начало

(из писем Игоря Григорьева Дине Захаровой)

* * *

Сегодня суббота. Не худо бы повидать тебя. Я буду, как всегда, там, где бываю.

* * *

Как-то нескладно получилось: вчера ждал тебя. Днем: в 5, в 6, в 7 ч. заходил в иностранный кабинет и проходил по факультету – все впустую.

Уехал на Карельский перешеек. Про себя говорить нечего; в озере пока еще не утонул, не замерз. Учусь тишине и спокойствию.

Напиши мне сразу: ждать буду, вернее, уже жду.

22 апреля 1953 г.

* * *

Твое письмо у меня в руках... Спасибо. Удивлен и встревожен твоим успехом по части курсовой работы.

Рад, что удалось тебе ее сдать, но ты не думай, что это действительно работа. Успокаивает только то, что эта работа абсолютно никому не надобна, будь она хоть сверхтрудоёмка, хоть сверхталантлива. Помни всегда одно: в жизни ничего даром не дается там, где дело идет о настоящем полезном труде.

Своей безусловною властью
От имени сверстников всех
Я проклял дешевое счастье
И легкий развеял успех.

Это Ярослав Смеляков. Убежден, что на Землянской планете, в Руси великой, не стоило бы родиться ради легонького житья...

Никак не ожидал, что единственная щука снищет, так сказать, спасибо 1 группы психологии и логики 3 курса, да еще не простое, а ведь коллективное. Ради этого самого я готов сейчас, немедленно ехать хоть на Южный полюс и ловить хоть кита, пусть только скажут. Так всей группе и передай.

Насчет литературы. Я все больше проникаюсь в простоту человеческую, учусь любви к моим людям, к земле моей, к жизни.

А песни-то людские!

До чего ж земля большая!
Величайшая земля!
И была б она чужая,
Чья-нибудь... А то – своя!

Я обязательно встречу с Твардовским...

Как прошла свадьба? Поди захмелела? А? Тебе захмелеть не вредно, а полезно: ведь «пьян до умен – два угодыя в нем»!

Что касается меня, то я не люблю свадеб: во-первых, эти идиотские рыдания: «Горько!». Как будто бы кому-то это нужно. По крайней мере, если не ходил на «жениханье», то и на разводе быть не стыдно!

Мне не ясно, почему тебя зачислили в «невесты». А впрочем, странного в этом ничего нет: людям всегда дело до того, что их не касается. Мне кажется, что группа твоя не права уже потому, что если бы ты замуж выходила, то вряд ли группе пришлось быть на свадьбе.

1 мая 1953 г.

* * *

Твой обходной листок я доделал и сдал в деканат вместе с зачёткой, получил бумажку о том и отпускной листок. Аля получит стипендию и сделает все, как надо. Говорит, что провожать тебя не могла «в силу причин».

Сегодня с утра целый день перебирал в памяти тебя, а вчера на факультете трижды принимал за тебя каких-то студентов. Приятели уж смеялись надо мной, смеялись...

Вот мы и поменялись местами. То я был в дорогом краю, в России, теперь ты в дорогом краю, на родине. Хорошо и грустно. Завидую тебе.

3 июня 1953 г.

* * *

Вчера вечером получил твое столь дорогое для меня письмо. Рад несказанно всему: твоей грусти, твоему задушевному тону. Если бы только знала, как я люблю тебя!

Письмо перечитывал множество раз и, как это всегда у меня, поделился радостью с дядюшкой Павлом Васильевичем и Левкой. Дядюшка очень доволен тобой и кланяется тебе низко. Левка хвалил тебя усиленно. Мы с ним вчера ходили в баню, а после выпили по стопочке – за любовь.

Я бы к тебе сейчас пешком, по шпалам, на брюхе. Ишь как меня скрутило! Ромашка! Ты моя родная. Верю тебе, верю насовсем. Согласен на всё, на всё.

Целую твои руки.

7 июня 1953 г.

+ + +

Диане

Льют лиловые потемки
Луговой настой.
За рекой зари каемки
В синеве густой.

Не докличутся друг друга
В поле дергачи.
Тонкий месяц над округой
Не уснёт в ночи,

Сыплет, бледный и лиловый,
В воду пяточки.
Рядом сердца дорогого
Гулкие толчки.

До утра молчать округе,
Месяцу гореть
И твои родные руки
Мне дыханьем греть.

+ + +

Прошла поспешно мимо,
И – в вагон,
И от огней – в потёмки, в ночь простылу.

Летит за перегоном перегон,
И нет конца чугунному настилу.

Как синий нож, как приговор суда,
Холодные глаза отулыбались.
Кричат, поют, хохочут провода:
«Расстались –
Вместе насовсем остались!».

+ + +

Я прочь ушел, я в ночь ушел,
Но верю свято:
Не угасает красный дол
Окрай заката.

И не дано мне, не дано
В тебя не верить.
Пускай недавно иль давно
Закрылись двери.

Что было, быть тому до дна:
Ничто не сплыло.
И я один, и ты одна.
Я пью уныло...

Ты – вещей звук в моей судьбе
С немym укором.

Я не могу прийти к тебе
Прощеным вором.

+ + +

Выдохлась метель, зима устала.
Затемнели мартовские снега,
И передвижение застряло:
Ни в дровнях, ни пёхом, ни в телеге.

Ни в шалман пойти, ни побираться,
Подаянья клянча Христа ради.
А к тебе и настом не добратсья.
Ну и ну: кружу, как волк в окладе.

+ + +

Ты ушла. Никто нейдёт.
Да прихожих и не надо.
Только снежная осада...
Что зима – не твой бы лёд.

Я бы выбег на бугор,
Перетрогал бы потёмки,
Догляделся бы до кромки:
Вдруг да смилуетсья бор...

Никуда я не пойду:
Разве жалуется вьюга.

Нелюбезная округа
Вся в неистовом бреду.

Ветер ломит, как медведь,
Вьюга шастает с пригорка,
В доме холодно и горько:
Слава Богу, время петь!

+ + +

Было, нет ли? А коль было –
Сколько лет прошло с тех пор!
Ты меня тогда любила:
Помнишь майский косогор?

Всё на свете скоротечно.
Люб-траву сентябрь пожёт.
Ты промолвила беспечно:
– Вышло времечко, дружок. –

Прослезилась. Воздохнула:
– Жизнь есть жизнь, хоть плачь, хоть пой. –
Белой ручкой трепыхнула:
– Не судьба, тихоня мой.

Маем память не баюкай,
Не догонишь, не пеняй... –
Не догнал я, взятый вьюгой.
Вьюга спета. Май есть май.

+ + +

День – как день, как другой:
Через день забудем!
Отсмеялася любовь –
Засмеются люди...

Не отбейся от рук –
Мало ли прохожих?
В жизни столько разлук!
Столько встреч хороших!

Столько дней и ночей!
Столько непогодья!
Не горюй! Не робей!
Натяни поводья!

+ + +

Окровавлена моею кровью,
Ошалев на вольном ветерке,
Ты была сильна моей любовью –
Как вода на взвихренной реке.

Больше не взлетишь, не засверкаешь,
Берег не зальешь, горда, вольна, –
Вихорь стих. Ты тоже замираешь,
По теченью катишься, волна.

Щепки о тебя бока полощут,
Тина вьет свою пустую нить.
Для тебя, холодной, это проще –
Замутнев, скользить, скользить, скользить...

Ничего! Исчерпано доверье.
Не журчи на все свои лады, –
Уноси уж вместо крыльев перья.
И не гнись от не твоей беды.

Вейся помаленьку в русле смертном,
Утешайся тихою судьбой
И спокойно верь, что ты над ветром,
А не ветер плачет над тобой.

+ + +

Звезду обманчивую стёр
Ладонью чёрной гром.
На месте горестном костёр
Горит в лугу сыром.

Цвети, огонь, кричи, немой,
Желтей, чужой дружок;
Зови, сули, вели, не мой, –
Не я тебя разжёт.

И мне от твоего светла –
Ни проблеска утра.

Мой огонёк сгорел дотла
Давным-давно: вчера.

Иная жизнь, чужая высь
Зажглись в моей тени.
Дружище-гром, остановись,
Замри, повремени;

Не заливай крутым дождём
Сухие головни:
Пусть на пожарище моём
Взойдут благие дни!

Письмо любимой

Ты нынче песни новые поёшь,
По-новому смеёшься и горюешь,
Ты городу красу свою даруешь.
А я всё тут,
Всё на себя похож.

Пашу и сею, с мужиками пью
(И хоть бы что без городского быта),
Тревожу совесть –
Страшную судью,
Припоминаю то, что позабыто.

У нас – дыши!
Уж не томит жара,

И желтизною сентябрит из леса –
Приходит стихотворная пора.
Да это всё тебе без интереса.

А я всё виршами себя лечу,
Жду славу,
Всё надеюсь заработать.
Ты хмуришься: «Пегас не по плечу»,
Ты гневаешься: «Свой кусает локоть».

Считай, как можешь. Каждому своё:
Ты любишь жить надёжно,
Я – надеждой.
Спокойной прозой душеньку утешь ты –
Не мне судить твое житьё-бытьё.

Я не собьюсь с дороги, не тужи,
Не прокляну затученное солнце,
Я не один,
Мне есть, что петь, кем жить:
Любимая – любимой остается.

Перед дорогой

Не надо горьких глаз,
Не надо тихой грусти:
Пройдут года,
И, ждать устав, беда

Меня разлюбит и к тебе отпустит.
И я вернусь.
Но ты скажи – куда?

Не надо бодрых слов,
И в них тоска всё та же:
Растерянность,
Испуг,
Незримый плач.
Люби меня,
Чтоб сердцем был на страже.
И я вернусь.
Но ты мне срок назначь.

Не надо укорять,
К чему самой кориться, –
Метельный путь мой без того не гладь,
Храни себя,
Не верь, что ты вдовица.
И я вернусь.
Но как тебя узнать?

Вернусь!
Лишь мой совет
Ты, милая, исполни,
Когда уйду дорогой столбовой.

А этой ночью, расставаньем полной,
Дай волю сердцу.
Я ещё с тобой.

«Дорогие мои великаны»

+ + +

Товарищи!
Друзи мои дорогие!
Вы, верно, отчаялись ждать
Стихов от меня
Про дела боевые,
Что я обещал написать?
Мы все на виду кочевали у смерти,
Одним крещены мы огнем.
И я не забыл обещастья, поверьте...
Как вы, не забыл ни о чём!
Я помню бригадную нашу разведку,
Уснувших навеки ребят.
Под сердцем моим пулевые отметки
Доныне к погоде горят.
Доныне осколок немецкой гранаты
Мне спать на спине не дает.

И тяжкий валун над могилою брата
Сжимает дыханье мое.

Нет! Я ничего не забыл,
Хоть и рад бы
О многом, что знаю,
Не знать...

Диалог

Федору Абрамову

- Чему ты, бедой заарканенный, рад?
- Со мною случилась утрата утрат.
- С чего ты выиграл, плясовую звеня?
- Моя нелюбовь разлюбила меня.
- Почто ты в ударе, в настрое благом?
- А как же? Мой друг распахнулся врагом.
- В чем дело: захмуренный – солнечным стал?
- Мой враг стародавний мне руку подал.
- Не слишком ли поздно схватился за ум?
- Подумай! Нет рано иль поздно – для дум!
- Зря голову кружишь другим и себе.
- За это круженье – спасибо судьбе.
- Что делать намерен: запить? одуреть?
- Намерен злу на зло и петь, и добреть.
- Смейшься? Заплакал бы, плохи дела!
- Смеюсь – заливаюсь! Была – не была!..

- Ведь стужа и темень! Откуда твой пыл?
- Свет Федор Абрамов меня осветил.
- А что говорили с ним, всем не скажу...
- Так, значит, не тужишь?
- Ага, не тужу!

Плач по Любви

Любви Смуровой

Любовь Алексеевна, Люба, Любаша,–
Моя голубая звезда,
Я цел ещё: ждет меня старости чаша,
А ты навсегда молода!

Не дай Бог, живые, душой прохудеем:
Нешадна житья коловертъ...
Кем был для тебя я? – наверно, злодеем,
Пославшим на лютую смерть.

Наверно, наверно. Быть может, быть может.
Война ведь: иначе не мог.
Но память бессонная боль не итожит–
Мне дарствует майский денёк.

...Дорога за Радовьем. Солнце над бором.
Соколье болото левей.
И свист занебесный над земь-свистохором:
То – иволга, то – соловей!

А с волглых обочин кадит медуница,
Донельзя хмелит первоцвет...
И как ни хитри, а нехитро влюбиться.
И мы – девятнадцати лет.

И верила ты мне. И я тебе – тоже.
И грела нас майская звень.
И шли мы с тобой без унынья и дрожи
По смертной дороге в тот день.

И, может, за первым ее поворотом
Ждала нас разлука навек.
И виснул «костыль» над Соколым болотом,
И падал черёмховый снег.

О, как нас кружила цветочная вьюга,
Как маяла жаром весна!
Но мы не посмели коснуться друг друга,
Себя устыдяся: война!

Мы с совестью нашей на грош не рядились,
Мы были солдаты, мой свет:
На Плюссу той ночью поврозь воротились...
И вот тебя нет. Тебя нет?

Светлый ангел

Светлый ангел, сестрица, скажите:
Догорит моя ночь хоть когда?

Длань на рану мою положите:
За окошком ни зги – темнота?

Горькой доли глоток – не бессмертья –
Мне бы надо вкусить позарез!
Кроткий ангел, сестра милосердья,
Неужель я для смерти воскрес?

Неужель ознобленное сердце
Мне в заброшенной хате не греть?
Не избывшему крест одноверца,
О сгоревшей любви не гореть?

И, добыв-таки рифмы-золоты,
Не валиться, счастливому, с ног?
Или верные други-заботы
На меня наложили зарок?

Неужели? Да вытеснишь разве
Все соблазны житейского дня?
Скорбный ангел, дарующий праздник,
Заругайте, засмейте меня!

Я согласен, согласен, согласен
Побрататься с тревогой любой.
Лишь бы не был мой голос безгласен!
Только б, жизнь, не разладить с тобой!

Чтобы петь на неистовом свете,
Разумяя: бессменна страда!
Только б русскую душу на ветер
Не пустить ни про что – в никуда!

+ + +

Льву Григорьеву

На последнем своём берегу,
Далеко от родного села
Ты споткнулся на черном снегу –
Завершаешь земные дела.

...Потянуло парным молоком –
Сердцу нет ни разлуки, ни вёрст:
Незабвенный родительский дом
Светит в ливне пронзительных звёзд.

Всё, как в детстве: кленёнок, лужок,
Ты бежишь по росе босиком,
Где-то плачет пастуший рожок –
Просто так, ни о чем, ни о ком.

Жёлтый звон и малиновый зной,
Синий щебет и вздох у ручья...
Здравствуй, мать! И не плачь надо мной:
Ты – во мне, как отчизна моя.

+ + +

Розе Георгиевне Королевой

Жёлтой листве не смиряться с разлукою –
Не разувериться сердцу горячему.
И коростели давно не аукают:
Скорбной дорогой за песни заплачено.

Но каждый раз, лишь прислушайся к полночи,
Отголубевшая молодость грезится.
Осень своими причудами полнится:
Что ей за дело, кому что мерещится!

С горькой осины, со сладкой яблоньки,
С неба густого над зябкой левадою
Падают листья, падают яблоки.
Падают звёзды... Падают... Падают...

+ + +

Маргарите Кузьминой

В плат узорчатый наряжена,
Ждет невеста-роща друга.
Заплутал суженый-ряженный:
Рыщет с вьюгой по округе.

Осень стежки перепутала,
Разожгла пожар студеной,

Небо тучами окутала:
Нет невестушке поклона.
И развиднелось, и смеркнулось –
Нету весточки от друга.
Обрывает в заводь-зеркало
Плат узорный злая выюга.

Ничего не надо девице:
Ни сережек, ни запястья.
На одно она надеется –
На ненастья.

Вишенка

Светлане Молевой

Маем ласковым горько обижена?
Кипень-платьем не бело-бела?
Что же ты закручинилась, вишенка?
От подружек в сторонку ушла?
Им цветётся и просто, и песенно:
С ветерками шуршат на заре.
Ты одна пламенеешь невесело.
Будто белый пожар на бутре.

Не приветила сиверка, вешнего.
Льется грусть из-под строгих бровей.
Ждешь кого-то иного? Нездешнего?
Иль не можешь забыть суховой?

+ + +

Ах, деда, деда, кто вы были
В ту «всенародную страду»,
Когда святые гнезда были
У бесов зла на поводу?

Ах, бабы, бабы, вечность жизни,
Любви связующая нить,
Зачем на той безумной тризне
Вы дали совесть замутить?

И как вы, сердцем не глухие.
Не услышали Божий глас:
Все зовы, доводы лихие,
Коль против веры, – против вас!

Ряды пророков поредели,
Сердца людские – глуше, злей.
Не взыщет совесть! «Порадели»:
Ни чуд, ни храмов-алтарей...

+ + +

Слыша ветра высвисты и гики
На бору,
Заверну в колючник ежевики,
В гущару.

Как тебя, кусточек жарколистный,
Обойму!
Сердца стук, захлебистый и чистый,
Не уйму.

Заспешу, себя не помня, что там
За навет?
И забытый храм за поворотом
Плачет: «Бога нет!»

Пылающий скит

Александру Гусеву

Неприбыльна песня об этом,
Вся – пламя, октябрьская тишь:
Коль выпало статься поэтом –
От первой же искры сгоришь.

Что правда, то правда: сгораю –
Вся глушь, как пылающий скит.
Поэтому я выбираю
Погоду, когда моросит.

«В такое бездожде беречься?
А грянет ненастье – запеть?
Да это ж от злата отречься!..» –
А мне бы – дотла не сгореть.

Тихий свет

Григорию Григорьеву

1.

Дорогие лесные пустыни,
Серой ольхи плакучий разбой.
Здравствуй, робкая былка полыни!
Мне нисколько не горько с тобой.

Неказиста трава, неприглядна,
Худосочна – и что там ещё?
Мне надёжно с тобой и отрадно
Опереться на дружье плечо.

Ни обиды на сердце, ни боли,
Тихий свет – от земли до небес...
Как давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песельник-Лес!

Ты дубы на полянах огромнишь,
Рвёшься к зорям, орёл крутокрыл.
Ты меня поневоле не помнишь,
Я по воле тебя не забыл.

Будет всякое, всякое будет
В наших судьбах, таких горевых:
Нас прогонят, обманут, осудят,
Нас отвергнут от зорь заревых;

Нас ещё позабудут, забросят,
Опалят беспощадным огнём
И железной секирою скосят...
Только мы всё равно не умрём.
Хоть чего натвори-понаделай,
Присудив dokonать на корню, –
Наши корни в земле порыжелой
Не унять никакому огню.

Так давно мы не виделись,
Поле. Не аукались, Песельник-Лес!
Ни обиды на сердце, ни боли.
Тихий свет – от земли до небес.

2.

Простодушно удружила:
Все сомненья – трын-трава!
Размахнулась, закружила –
Только кругом голова!..

Замелькала пестрой птицей.
Синекрылою звездой.
Стала кровом и криницей,
Позабытой бороздой,

Храмом дальним и неожиданным,
Льющим в душу тихий свет,

Настоящим, безобманным...
Это здесь-то Бога нет?

Весеннее

Елене Мильчаковой

1.

Как зима ни верховодит,
Сколь пуржища ни зубаста –
И в тайгу весна приходит:
Покусал мороз – и баста!

Отсвистели вьюжны плети,
Панихида ночи спета.
Ни в одном краю на свете
Не встречал я столько света!

Ветром выглаженный камень
Греет лысину на солнце.
Забегала речка в рамень –
Заливается, смеётся.

Тянет бражной соковницей,
Кличут лебеди в долине,
И дремучим дебрям снятся
Цветы да зелень, гром да ливень;

Им, как мамкам, снятся дети –
Пополнение вольнолюбив:
Колонки, козлы, медведи –
Без веселых лесорубов!

2.

Зажгли бел пожар, осветили округу
Черемух белынь-острова.
Весна наметелила белую вьюгу,
А понизу – зелень трава.

Как будто сорвалось веселье с постромок:
И малой печалинки нет!
И так от зари до зари, до потёмок –
Всё радость, всё радость и свет!

И скоро цветы разбросают рябинки,
И озимь взовьётся по грудь.
Вся глыба Земли, до невнятной былинки,
Горит, освещая твой путь.

+ + +

Льву Малякову

Неотыгранное детство.
Думки на ветер.
Леса гулко-соседство
В желтой замяти.

Разыгралась в небе флейта
Лебединая.
Кликунов-то, журавлей-то
Над лядиною!

За плечами лег путище:
Версты многие!
Только мы с тобой, дружище,
Крепконогие.

А над нами день развесил
Стоголосицу.
Сколько сказок, сколько песен
В память просится!

Будто вдруг дано наследство
Нам нежданное:
Золотое малолетство,
Голоштанное...

Девочка и утро

Внучке Настеньке

Ранью в солнечном лесу
В разливанном счастье
Хорошо жалеть росу
Россиянке Насте!

Ведь роса совсем ничья –
Грех её обидеть.
Можно диво у ручья
Повстречать-увидеть:

С голубою стрекозой
Рыжего муравку,
У берёзоньки босой
Розовую славку.

Красоту и чистоту
Приносить покою!
И тянуться в высоту
Ласковой рукою.

+ + +

Внучке Дашеньке

До искринки сердце вверяешь,
Окунаешь в солнечный дождь.
И не знаешь, что потеряешь,
И не ведаешь, где найдешь.

Не горюй: пустое занятие:
До итога пока далеко!
День-то, видишь, в самом зачатье:
Пей парное его молоко!

Балагурь с плакучею ивой.
Нацелуйся с прохладой властью!
Ты сегодня опять счастливая –
Дорогому поклоны класть.

Первые шаги

Внуку Василию

Заря позовет от порога –
Ты в мир пойдешь за шагом шаг.
Любой большак – тебе дорога,
И тропка всякая – большак.

И ты постигнешь день и счастье,
Мир, беспечальный и ничей.
И ни намека на ненастье,
И все – твое, до мелочей.

И до заката так далеко,
А даль от глаз твоих на шаг!
Любой большак – тебе дорога,
И тропка – для тебя большак.

Беларусь

Василию Захарову

Говорят про тебя, что ты – Белая Русь.
Так ли, нет ли – судить не берусь.

Но тобой причастился, голуба,
И зажгла ты Руси однолюба,
Одарив неразменной казною –
Песней «Бульбой», утехой лесною,
Пригожуньей моею жадобной,
Простотою твоей бесподобной;
Приоткрыла лицо вековое:
Ни покоя, ни слез – роковое.

Родительский дом

Виктору Астафьеву

Дом ты мой, дом родной,
Хоть обжитый – не угретый,
Не сердись, что пустой:
На умерших не сетуй.

Не зови, не кори:
Всё не гладко, всё не просто.
С-под ладони-зари
Не гляди на перекрёсток.

Кто ушел – не вернешь.
На судьбу не попеняешь,
Как и лунный медный грош
На рубли не разменяешь.

И хоть я уже стар,
Мы одной с тобой закваски:
Слава Богу, не устал
Верить в бабушкины сказки.

Не могу до сих пор
Разувериться в жар-птице.
Я, как наш бедный двор:
Не могу загородиться.

И сегодня, и впредь
Будем рады без ограды.
Нам души не жалеть:
В ней таятся наши клады.

Эх, душа-дарова,
Милосердная отрада!
Нам не всё трын-трава,
Нам ещё так много надо!

Помолчим у ворот:
В вековечную разлуку...
Кто теперь к тебе придет?
Всем дай ласковую руку!

Книги И. Н. Григорьева

- Родимые дали : стихотворения. – Л. : Лениздат, 1960. – 126 с.
Зори да вёрсты : стихи. – М. ; Л. : Сов. писатель, 1962. – 161 с.
Листобой : стихи и поэмы. – М. : Молодая гвардия, 1962. – 160 с.
Сердце и меч : стихи. – М. : Воениздат, 1965. – 110 с.
Горькие яблоки : лирика. – Л. : Лениздат, 1966. – 122 с.
Забота : поэмы. – Л. : Лениздат, 1970. – 99 с.
Отзовись, Весняна : лирика и поэма. – М. : Сов. Россия, 1972. – 142 с.
Не разлюблю : стихотворения; поэмы. – Л. : Лениздат, 1972. – 279 с.
Красуха : стихи. – М. : Современник, 1973. – 112 с.
Целую руки твои : лирика. – Л. : Лениздат, 1975. – 112 с.
Жажда : стихотворения. – Л. : Лениздат, 1977. – 214 с.
Стезя : новые стихи. – Л. : Лениздат, 1982. – 88 с.
Жить будем : стихотворения. – М. : Сов. Россия, 1984. – 143 с.
Уйти в зарю : стихотворения и поэмы. – Л. : Лениздат, 1985. – 118 с.
Дорогая цена : стихи. – М. : Современник, 1987. – 142 с.
Вьюга : поэма. – Л. : Редактор, 1990. – 96 с.
Русский урок : лирика и поэмы. – Л. : Лениздат, 1991. – 207 с.
Крутая дорога: стихи о судьбе и Родине. – Псков : Отчина, 1994. – 96 с.
Кого люблю : посвященные стихотворения. – СПб. : Путь, 1994. – 169 с.
Набат : стихи о Войне и Победе. – СПб. : Путь, 1995. – 116 с.
Боль : избранное. – СПб. : Путь, 1995. – 147 с.
Любимая – любимой остаётся: избр. стихи. – Псков : Курсив, 1998. – 118 с.
Стихи. – М., 2013. – 104 с.
Все перемелется : автобиография. – М., 2014. – 96 с.
Балтакис, А. Разговор с землёй: стихи / авториз. пер. с литовск. И. Григорьева. – Л. : Сов. писатель, 1958. – 75 с.

Литература о творчестве И. Н. Григорьева

- Денисов, И.* Первые встречи. – М. : Знание, 1962.
Денисов, И. Высоты отдавать нельзя. – М. : Знание, 1963.
Мартынов, Л. Несколько книг «День поэзии». – М., 1963.
Время, пафос, стиль. Художественные течения в современной литературе. – М. : Наука, 1965.
Шошин, В. Распахнутое сердце // *Григорьев, И.* Сердце и меч. – М. : Воениздат, 1965.
Эльяшевич, А. Поэты, стиль, поэзия. – Л. : Лениздат, 1966. – С. 290–292.
Шошин, В. Поэт Игорь Григорьев // *Григорьев, И.* Не разлюблю. – Л. : Лениздат, 1972.
История русской советской литературы. – М. : Просвещение, 1974. – С. 561.
Русская советская литература 50–70 гг. – М. : Просвещение, 1981.
Шошин, В. Стезя Игоря Григорьева // *Григорьев, И.* Стезя. – Л. : Лениздат, 1982.
Краткий очерк истории русской современной литературы. – Л. : Лениздат, 1984.
Шошин, В. Огненный круг // *Григорьев, И.* Русский урок. – Л. : Лениздат, 1991.
Шошин, В. Поэт последней деревни // *Григорьев, И.* Боль. – СПб. : Путь, 1995.
Кириллов, В., Клемин, Вл. Огненный круг : очерки о плюских разведчиках // Контрразведка. – Псков : изд-во орг. мет. центра, 1995. – С. 202–253.
Молева, С. Жесточая дорога – поэзия // Псковская правда. – 1996. – 25 янв.
Родченкова, Е. Целую руку твою. – 1996 (рукопись).

- Овчинников, В. Цена праведного слова // Вечерний Псков. – 1998. – 14 авг.
- Полишкаргов, А. Слово о капитане Игоре. – СПб. : «Околица» ; ТОО «Лад», 1998. – 40 с.
- Кузнецов, В. Песнь о величии и силе человеческого духа // Полишкаргов, А. Слово о капитане Игоре. – СПб. : «Околица» ; ТОО «Лад», 1998.
- Андреева, С. Коль выпало статья поэтом // Новости Пскова. – 2000. – 25 июля.
- Гусев, А. Заметки на полях книги Игоря Григорьева «Боль» // Новости Пскова. – 2000. – 25 июля.
- Васильев, В. Найдется ли равный ему... // Новости Пскова. – 2000. – 25 июля.
- Золотцев, С. А. Зажги вьюгу : очерк о жизни и творчестве Игоря Григорьева. – Псков : АНО «Логос», 2007. – 84 с.
- От всей души, с любовью. Встречи с поэтом И. Н. Григорьевым, его стихами и друзьями // Лицейские встречи / сост. Д. В. Григорьева. – СПб., 2010. – 110 с.
- Бесперстных, А. П. Словарь эпитетов Игоря Григорьева. – Полоцк : издатель А. И. Судник, 2013.
- Поэт и воин: книга воспоминаний об Игоре Григорьеве. – СПб., 2013. – 463 с.
- Советная, Н. В. Горит вьюга! // Неман. – 2013. – № 5.
- Бесперстных, А. П. Словарь эпитетов Игоря Григорьева : в 2 т. – СПб., 2014.
- Советная, Н. В. «Поверю в весеннюю Русь» // Белая вежа. – 2014. – № 1.
- Советная, Н. В. «Я не мыслю себя без России» // Московский Парнас. – 2014. – № 2.
- Советная, Н. В. «Человек я верующий, русский... Чего еще?» // Литературный Санкт-Петербург. – 2013. – Ноябрь.

Линия жизни — линия любви

Об авторе

- Григорьева Дарья Васильевна, в девичестве Захарова Диана (Дина) Васильевна, – филолог, учитель русской литературы со стажем работы 60 лет, деятельный сторонник традиционного для России воспитания и образования на основе православных ценностей.
- Православная ориентация предполагает задачу образования как проявления в себе образа Божия. Воспитание рассматривается как духовное восхождение в процессе усвоения духовных ценностей.
- Нравственное воспитание и образование – залог внутреннего равновесия человека, источник радости, необходимое условие благосостояния человека, семьи, общества и государства. Только на пути духовного восхождения прорастают и реализуются семена талантов, данных человеку Господом.
- Окончив провинциальную школу в 1950 году в г. Городке Витебской области с ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ (это был первый год золотых медалей, и это были медали из настоящего золота!), 17-летняя Дина Захарова поступила БЕЗ ЭКЗАМЕНОВ на филологический факультет ЛГУ, где ее дорога пересеклась с дорогой Игоря Григорьева, который был уже студентом второго курса; в 1953 году они поженились.

Игорь был старше на 10 лет, имел за плечами опыт Великой Отечественной войны, ему было почти 30 лет, он мыслил непохоже на то, что было известно Дине, и ему предстояло стать духовным учителем и просветителем юной хорошенькой студентки, к тому же способной и поражающей своими пятерками по всем предметам, а в 1955 году закончившей Университет с отличием. Нелегко им было приспособиваться друг к другу. Ему помогали друзья, которые вызывали явное доверие у юной студентки: известный скульптор Д. М. Епифанов, университетские тоже студенты – бывшие моряки с военных катеров Лев Маляков и Виталий Умецкий.

Она не могла не оценить трогательную влюбленность Игоря и настоячивые знаки его внимания: он ловил ее в коридорах, приносил кулечки шоколадных конфет с многозначительными названиями «Ромашка» и «Василек», зачитывал ее стихами поэтов всех времен и народов. И уже не замечался запах рыбьего жира от его солдатских сапог (он ходил в солдатской форме...). А порою его экстравагантные поступки вызывали стресс, и, готовая уже расстаться с Игорем, она возвращалась, потрясенная неожиданным поворотом в их отношениях.

В те годы букеты цветов были редкостью по разным причинам. Молодые люди чаще всего дарили девушкам маленькие букетики ландышей или фиалок. И вдруг целая оранжерея цветов встречает тебя в твоей обители – сразу десятки букетов (вся майская стипендия)!

Потрясения были и другого рода. 5 марта, в день смерти Сталина, когда советский народ скорбел о потере вождя, в актовом зале филфака (аудитория № 32), где на сцене был выставлен огром-

ный, во весь рост портрет вождя с траурной лентой, Игорь со спокойной и значительной радостью признается: «Слава Богу, что его хватил кондратий!».

До такого осмысления событий ей надо еще дорасти...

На все студенческие годы и после Господь подарил нам радость встреч с Федором Александровичем Абрамовым, который стал нашим учителем и нашим Великаном, в общении с которым жизнь несла нас в неизведанное и главное.

Сначала Федор Александрович был просто кандидатом наук (он только что защитил диссертацию по творчеству М. А. Шолохова) и преподавателем, который вел спецкурс по библиографии (II курс 1952/53 учебного года). Это потом он станет заведующим кафедрой советской литературы на филфаке. А после публикации своей знаменитой тетралогии «Пряслины» – лауреатом Государственной премии и признанным мастером советской литературы.

А пока молодой кандидат оказался в окружении двенадцати девиц, которые были не прочь с ним пофлиртовать, пошутить и посмеяться. Во время первого же семинара в аудитории стало более чем весело: семинар был под угрозой срыва! Неожиданно для всех наш преподаватель грохнул кулаком по столу с огромной силой – все притихли...

И в абсолютной тишине он засмеялся один, от всей души, – и досмеялся за всех нас, чем вызвал нашу общую симпатию.

С этого семинара начались особенные отношения с Ф. А. Абрамовым, ставшим для меня, а потом и Игоря Николаевича другом-Великаном, не допускавшим в наших отношениях никакого амикошонства, никакого панибратства.

Во время этого семинара Федор Александрович пришел в восторг от прочитанной мною курсовой работы по творчеству К. Ф. Рылеева, а вскоре его внимание задержалось и на моей зачетке с одними пятерками. На следующем курсе на экзамене по литературе мне довелось излагать ему основные положения Постановления ЦК КПСС «Об ошибках журнала “Новый мир”», в котором подвергалась критике его статья «О путях развития деревенской прозы», направленная против лакировки действительности.

Я была в затруднительном положении, но он просил отвечать на полном серьезе, и это прибавило мне в зачетной книжке еще одну пятерку.

С этого времени начались наши постоянные поездки вместе с Игорем на Карельский перешеек на Белую дачу (станция «Лосево») – на охоту и рыбалку. Федор Александрович стал постоянным гостем в нашем доме. Дорогу от Университета по проспекту Майорова и Измайловскому проспекту он любил проходить пешком, часто в компании с Игорем Николаевичем. Было очень трогательно, когда нашему новорожденному сыну Григорию, названному именем Григория Мелехова, он подарил серебряную инкрустированную эмалью ложечку – на первый зубок (1956)!

Вместе с нами он несколько раз гостил в Белоруссии – в доме моего отца, Василия Ильича Захарова. Целое лето мы провели семьями (с ним была его супруга Л. В. Крутикова) в деревне Боборьки, среди красных смолистых сосен на берегу чистейшего озера. Много было шуток (например, придуманное им: «Дина – в антикомарине») и серьезных разговоров. На послед-

них курсах он стал руководителем наших дипломов по «Тихому Дону» М. А. Шолохова.

Были встречи и в его доме (за время нашего знакомства он сменил пять квартир и одно время жил на 3-й линии Васильевского острова, в бывшей квартире Виталия Бианки).

Встречались мы и в Доме творчества писателей в Комарове, и на его публичных выступлениях в Доме учителя и Университете, и на додинских спектаклях по его романам «Братья и сестры» и «Дом» в Малом драматическом театре.

Были прогулки по Петербургу и совместный поход на вышедшую на экран американскую версию «Войны и мира» Л. Н. Толстого. И незабываемое плавание румяным июльским вечером по Неве на лодке вдвоем от Князь-Владимирского собора в устье реки под малиновый звон соборных колоколов.

В отношении ко мне его больше всего беспокоила мысль о том, что **я еще не нашла себя**. Придет время – и я оценю его пронизательность, всегда нацеленную на суть бытия.

Мне дороги его автографы на его книгах:

«Милой Диночке с радостью и любовью. 22 сент. 1962»;

«Диночка, двери моего дома всегда открыты для Вас. 23 дек. 1980 г.».

Дом Ф. А. Абрамова посетили и мои ученики: они взяли у него интервью для нашего школьного рукописного журнала «Пегасик». А потом, в день его рождения (это Касьянов день – 29 февраля), мы отправили ему телеграмму:

«Пусть Ваши БРАТЬЯ И СЕСТРЫ многие ЗИМЫ И ЛЕТА помогают людям идти по ПУТЯМ-ПЕРЕПУТЬЯМ и строить ДОМ, в котором все будут БРАТЬЯ И СЕСТРЫ. Ваша ученица Дина Григорьева и ее ученики».

Он был против моего ухода от Игоря. Но, возможно, именно этот уход способствовал моему второму рождению: мне тогда было, как пушкинским Ивану Белкину и Евгению Онегину в финале романа, – 29 лет!

Двенадцать лет жизни с Игорем под его началом в окружении поэтов и писателей, безусловно, способствовали перерождению наивной школьницы – пионерки и комсомолки. Теперь жизнь раздвинула свои горизонты: собственный опыт выводил на дорогу труда, творчества и вдохновения. Начались новые университеты со своими ошибками, неудачами и желанием **сказать свое слово**.

И лабораторией этого опыта начиная с 1955 года стала наша советская школа. И точнее – новое, иное прочтение **русской и мировой классики** на уроках литературы и во внеклассной работе.

Работать мне довелось в одной из самых интересных школ города – школе 10-летия Октября в Кировском районе. Здание школы было построено в 1927 году по особому проекту – в виде серпа и молота. В проекте была предусмотрена школьная обсерватория. В юбилейном 1927 году в школе побывали многие знаменитости: и Горький, и Луначарский, и Анри Барбюс.

В школе какое-то время еще сохранялись ее первоначальные интерьеры. Мебель в кабинетах и аудиториях была сделана на заказ, в единственном экземпляре для определенного места. Шкафы из красного дерева, отделанные витыми столбиками, резными аппликациями, сверкали витринами из зеркал и венецианского стекла. Уникальным был террариум в кабинете биологии. Преподавателей в учительской и методическом кабинете ожидали огромный овалный стол и удобные стулья. Музыкальные

инструменты были украшены бронзовыми подсвечниками, а их клавиатура отделана слоновой костью. В столовой радовали глаз репродукции картин старинных мастеров, в актовом зале – хрустальные люстры и кресла, как в настоящем театре. А книжные шкафы в школьной библиотеке, казалось, только что были привезены из королевских апартаментов.

Но в течение 30 лет, которые я работала в этой школе, вся эта антикварная красота исчезла (ее списали), превратив аудитории в современные стандартные классы.

Уникальность школы накладывала дополнительные требования к преподаванию.

Для меня **выход** из обычной системы восприятия мира, выращенной в советском человеке, **начался** с желания понять гениальность А. С. Пушкина и его романа «Евгений Онегин». Я перечитывала роман в течение года снова и снова, считала, сопоставляла и наконец поняла, что Онегин – никакой не лишней человек. Что судьба Онегина – это судьба каждого из нас, что в романе заключена формула жизни, которую Пушкин не прячет, но которую читатель обычно не замечает:

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

Пушкин рад за своего героя, он благодарен судьбе за отказ Татьяны: ура!..

Онегину предстоят новые испытания, и это – необходимое условие духовного возрастания. Сам поэт в это же время в стихотворении «Элегия» провозглашает свой девиз: «Я жить хочу, чтоб мыслить и **страдать**».

Испытания, через которые прошел Онегин, изменили его: Пушкин с восторгом говорит, что Онегин чуть-чуть не стал поэтом! Что он перечел все, прочитанное в юности, но перечел «**духовными** глазами». Как он непохож на себя прежнего, скучающего и разочарованного, когда, сидя у камина и напевая модный романс, он в мечтательной задумчивости роняет в камин то туфлю, то журнал... Онегин – **на пороге зрелости**.

Чтение, перечитывание русской и мировой классики подготовило и мое перерождение: оно привело меня ко крещению. Дальнейшее было делом Православия.

Парад планет, Чернобыльская трагедия, 1000-летие Крещения Руси, распад СССР, в корне изменившие нашу действительность, открыли возможность создания новой школы – отличной от той, в которой я учила и в которой работала более 30 лет. В 1990 году мы с сыном, Григорием Игоревичем Григорьевым¹, создали в Петербурге «Пушкинский лицей»: надо было обучать внуков. Как это сделать по-новому, я к этому времени четко представляла. Об этом написано в трех книгах о лице: «В начале жизни школу помню я...», «Пушкинская тетрадь», «Лицейские встречи». «Пушкинский лицей» просуществовал 20 лет. Все мои внуки закончили его. Школа и православная церковь стали делом моей жизни и жизни всей нашей семьи.

¹ Г. И. Григорьев – доктор медицинских наук, заслуженный врач России, священник.

Наверное, сейчас, другая по сути, я не смогла бы уйти от поэта Игоря Григорьева. Чувство первой любви, которое так красиво пронес Игорь Николаевич и в жизни, и в стихах, конечно же, было взаимным. И Господь снова привел нас друг к другу на основе семьи, дружбы и любви в ином христианском статусе. Приходит на ум первое чудо Христа – с вином в Кане Галилейской, когда вода стала... Я не нахожу слов для определения, чем стала вода. Наверное, это даже и не вино, а Благодать Божия, для описания которой на земле нет подходящего слова!

Когда я думаю об Игоре, я вспоминаю один случай из нашей жизни. Игорь был охотник и любил охотничьих собак. И был у него пес Идол – русская гончая, которую он студентом вырастил из маленького щенка. Это был замечательный гончар, и его у Игоря украли.

Прошло несколько лет, и однажды на Карельском перешейке Игорь повстречал своего пса, который уже имел другого хозяина. Он позвал его ласково – и пес отозвался... И скоро оказался у нас в Петербурге.

Шел 1954 год. Игорь торопился в Университет, на экзамен по философии, и мы с Идолом пошли проводить его до автобуса. Сев в автобус, Игорь ласково позвал Идола к себе... Автобус тронулся... Идол был на поводке, идти домой он не хотел, на повороте вырвался и исчез среди людей на остановке автобуса № 10 на Измайловском проспекте.

С поводком и ошейником в руках я побежала за Идолом. Люди, ожидающие автобус, сказали, что большая собака только что вбежала в отъехавший автобус.

Я села в следующую «десятку». Через остановку, на Садовой улице, при посадке произошло некое замешательство: это Идол вошел в автобус – прямо ко мне в руки!

С улицы Плеханова (следующая остановка) мы с Идолом, растерянные и присмирившие, медленно пешком возвращались домой, предварительно зайдя в гастроном и купив колбаски: все-таки какое-то утешение взволнованному Идолу.

Какое необычное, чудесное событие только что произошло! Игорь позвал... Но ведь одиноким собакам не положено ездить в автобусах! А верный пес трижды садился в очередной автобус, идущий в том направлении, в котором уехал его друг и хозяин, храня ему верность.

И эта верность была ответом на любовь к нему Игоря.

14 сентября 2014 г.

Д. Григорьева

Публикации работ Д. В. Григорьевой

- «Иго мое – благо, и бремя мое легко» // *Григорьев Г. И.* Накануне чуда. – Л., 1991. – С. 213–218.
- Путешествие в страну мудрости // *Григорьев Г. И.* Сказка про Алю и Аля. – Л., 1991. – С. 3–6.
- Значение игровой мотивации. Формирование ключа эмоциональной саморегуляции у детей // *Вестник гипнологии и психотерапии.* – 1992. – № 2. – С. 58–61. (В соавторстве с Г. И. Григорьевым, Е. А. Мильчаковой, О. Н. Кузнецовым.)
- Православная психотерапия в укреплении нравственного и психического здоровья молодежи // *Тезисы международной конференции.* – Могилев, 1997. (В соавторстве с Г. И. Григорьевым, О. Н. Кузнецовым, Н. И. Моисеевой.)
- О режиме учебных занятий в «Пушкинском лицее» (школе № 563 Выборгского р-на г. Санкт-Петербурга) // *Вестник психотерапии.* – 1999. – № 6 (11). – С. 94–98. (В соавторстве с Т. В. Коваленко.)
- Опыт объективной количественной оценки влияния учебной нагрузки на параметры психики учащихся С.-Петербургского «Пушкинского лицея» // *Там же.* – С. 98–112. (В соавторстве с Б. С. Фроловым, В. В. Овечкиным, И. В. Овечкиной.)
- Михайловское глазами Н. И. Моисеевой // *Там же.* – С. 141–144.
- Слово о цене греха // *Исцеление словом* : Вып. IV. – Псков, 2001. – С. 31–33; Вып. V. – Псков, 2002. – С. 310–312.
- Слово об отце Василии // *Дар сострадания* : книга о жизни пастыря Русской Православной Церкви протоиерея Василия Лесняка (1928–1995). – СПб., 2002. – С. 73–74.

Дети об отце Василии. Первый учитель // Там же. – С. 29–35.
Читая иеромонаха Романа // Вестник психотерапии. – 2004. – № 12 (17).
– С. 151–168.
Осторожно: Слово! // Вестник психотерапии. – 2004. – № 13 (18). – С. 130–
137.
«В начале жизни школу помню я» // Церковный вестник. – 2005. – № 11
(71). – С. 24–25.
К 15-летию Пушкинского лица // Вестник психотерапии. – 2006. – № 17
(22). – С. 139–145.
«В начале жизни школу помню я...» – СПб., 2008. – 107 с.
Пушкинская тетрадь. – СПб., 2009. – 224 с.
Лицейские встречи. – СПб., 2010. – 110 с.
Опыт духовно ориентированной психотерапии в школьной системе вос-
питания и образования // Вестник психотерапии. – 2009. – № 31 (36). –
С. 46–50. (В соавторстве с М. А. Куртышевой.)
Пить ли не пить? // Трезвое слово. – 2012. № 17. – С. 46–50.

Содержание

Д. В. Григорьева. «ЭТО ЗДЕСЬ-ТО БОГА НЕТ?» 5

Первая любовь 6

«Кто имеет уши слышать, да слышит» 7

1. Жизнь коротка, да ум тысячелетен 10

2. Православие – исток русской души 19

3. «Долог путь к запретному Христу» 26

4. Блудный сын 46

«Есть только радость, только свет!» 69

Игорь Григорьев. «Я ИДУ...»

Избранные стихотворения 79

Я иду 80

ЖИЗНЬ КОРОТКА, ДА УМ ТЫСЯЧЕЛЕТЕН

«Шёл август, и звёзды своё отмолчали...» 81

Под звёздами 82

ПРАВОСЛАВИЕ – ИСТОК РУССКОЙ ДУШИ

Вербная ночь 84

«Немы и пусты...» 85

Вечер 85

За паводком 86

Вьюга 86

«Чем, березки, вы лето обидели?...» 88

«Хорошо с умытым полем...» 89
Лирика 89
«Сухое поле алчно воду пьёт...» 91
Август 91
«Покойны жёлтые озёра...» 92
«Поклон, поклон, ржаное поле...» 93
В Михайловском 93
На Синичьей горе 96

«ДОЛОГ ПУТЬ К ЗАПРЕТНОМУ ХРИСТУ»

Вечернее 98
У причала 99
Удел 101
День рожденья 102
Пробужденье 103
Сыну 104
«Заревою былью...» 104
На дороге 106
Сергею Есенину 108

БЛУДНЫЙ СЫН

Россия 110
Зима 1993-го 111
«Двадцатый век с десятым веком...» 112
С посохом 112
Возвращение на круги своя
1. «Не думай, что я обездолен...» 113
2. «Берёзы, дымя, побурели...» 114

3. «Нечаянно вдруг загруститесь...» 114
4. «Набег обернулся побегом...» 115
«В селе петушья куролесица...» 116
«В который раз одно и то ж...» 116
«До чего же тихо: ни смешка, ни песен...» 117
«В облетевшей желтизне...» 118
«Спит земля, огромна и печальна...» 118
«До чего же невеселая картина...» 119
«Горемаятная родина...» 120
«Не шелохнется, не встрепенётся...» 120
Блудный сын 121
Веретёнька 122
«Угомонилась гулкая округа...» 123
Ноябрь 124
Погост Жаборы 125
«Зори да вёрсты...» 126
Песни о вечевом колоколе
1. Набатная 127
2. Прощальная 130
3. Печальная 131
4. Разлучная 133
5. Кузнечная 134
6. Величальная 136
Владиславу Шошину 137
Поэты 139
Именины 139
Свидание 141

«ЛЮБИМАЯ ЛЮБИМОЙ ОСТАЕТСЯ»

Начало (из писем Игоря Григорьева Дине Захаровой) 143

«Льют лиловые потемки...» 147

«Прошла поспешно мимо...» 147

«Я прочь ушел, я в ночь ушел...» 148

«Выдохлась метель, зима устала...» 149

«Ты ушла. Никто нейдет...» 149

«Было, нет ли? А коль было...» 150

«День – как день, как другой...» 151

«Окровавлена моею кровью...» 151

«Звезду обманчивую стёр...» 152

Письмо любимой 153

Перед дорогой 154

«ДОРОГИЕ МОИ ВЕЛИКАНЫ»

«Товарищи! Други мои дорогие!..» 157

Диалог 158

Плач по Любви 159

Светлый ангел 160

«На последнем своем берегу...» 162

«Желтой листве не смириться с разлукою...» 163

«В плат узорчатый наряжена...» 163

Вишенка 164

«Ах, деды, деды, кто вы были...» 165

«Слыша ветра высвисты и гики...» 165

Пылающий скит 166

Тихий свет

1. «Дорогие лесные пустыни...» 167

2. «Простодушно удружила...» 168

Весеннее

1. «Как зима ни верховодит...» 169

2. «Зажгли бел пожар, осветили округу...» 170

«Неотыгранное детство...» 170

Девочка и утро 171

«До искринки сердце вверяешь...» 172

Первые шаги 173

Беларусь 173

Родительский дом 174

Книги И. Н. Григорьева 176

Литература о творчестве И. Н. Григорьева 177

ЛИНИЯ ЖИЗНИ - ЛИНИЯ ЛЮБВИ

Об авторе (Д. Григорьева) 179

Публикации работ Д. В. Григорьевой 189

Дарья Васильевна
Григорьева
«ЭТО ЗДЕСЬ-ТО БОГА НЕТ?»
О православной сущности поэзии
Игоря Григорьева

Игорь Николаевич
Григорьев
«Я ИДУ...»
Избранные стихи

Издание подготовил М. Е. Устинов
Дизайнер А. В. Селенкова

Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная. Печ. л. 12,25
Тираж 300 экз. Заказ № 821

Отпечатано в типографии «Политехника-сервис»
с оригинал-макета заказчика
190005, Санкт-Петербург,
Измайловский пр., 18-д